

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**



Русь и Литва



Рюриковичи и Пясты —
враги и союзники

Литовские князья —
защитники русских
городов

Падение вольного
Новгорода

Сказки XX века

**АЛЕКСАНДР
ШИРОКОРАД**



Тайны Земли Русской

Александр Широкоград

Русь и Литва

«ВЕЧЕ»

2008

ББК 63.3

Широкоград А. Б.

Русь и Литва / А. Б. Широград — «ВЕЧЕ»,
2008 — (Тайны Земли Русской)

ISBN 978-5-9533-3490-7

Как Киевская Русь разделилась на Великую, Малую и Белую? Долгие десятилетия эту тему предпочитали не обсуждать, как и многие вопросы русской истории. Например, что наряду с Московской Русью существовала и Литовская Русь, князья которой также видели себя собирателями Великой Руси. Книга рассказывает о сложном самоопределении Великого Тверского и Смоленского княжеств, вольной Новгородской республики, оказавшихся между двумя центрами силы – Москвой и Вильно. Автор рассматривает целый ряд непростых вопросов – взаимоотношения православной и католической конфессий в Восточной Европе, проблемы унии церквей, споры о землях и титулах монархов.

ББК 63.3

ISBN 978-5-9533-3490-7

© Широград А. Б., 2008
© ВЕЧЕ, 2008

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	30
Глава 4	36
Глава 5	45
Глава 6	64
Глава 7	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Александр Широкоград

Русь и Литва

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008



Предисловие



В школьных учебниках истории вслед за нашествием татар следует отражение Александром Невским агрессии шведов и немцев, потом взаимоотношения с Ордой, ну а затем история, как московские князья собирали Русские земли в единое государство.

Пусть фрагментарность учебников истории в чем-то вещь неизбежная. Но, увы, и в многотомных монографиях отсутствует история южных и западных русских княжеств, начиная с 1240 г. К ним наши «мэтры» возвращаются лишь ко времени Богдана Хмельницкого, когда существуют пусть братские, но уже иные народы – белорусы и украинцы.

Возникают очевидные вопросы: откуда они взялись? Почему у них другой язык? да и вообще, что с ними было в течение четырех веков? Увы, эти вопросы повисают в воздухе. Еще в XVI–XVII веках московские цари и дьяки определили «магистральное направление отечественной истории», и все, что не соответствовало ему, попросту отбрасывалось. В результате сейчас не только в солидных монографиях, но и даже в архивах Российской Федерации можно найти лишь обрывочные сведения по четырем векам существования южных и западных русских княжеств.

Часть исторических документов была умышленно уничтожена по приказу русских царей, а большинство попросту погибло от небрежения. Ведь как бережно в Москве (а затем в Петербурге) хранили свои летописи. Вспомним, как немедленно после смерти Пушкина в дом на Мойке прибыли жандармы и опечатали все его бумаги. То же самое делалось и в отношении всех сановников и генералов. Их бумаги тщательно собирали и отправляли в государственные архивы.

В конце XVIII века в состав Российской империи вошли почти все русские земли, отторгнутые поляками и литовцами. Екатерина II имела полную возможность заполучить богатейшие городские архивы, а также частные архивы древних польских родов. Этому благоприятствовала и война с Речью Посполитой. Русские, от солдата до генерала, лихо экспроприировали имущество мятежных панов, от столовых приборов до карет и картин. Но никого не интересовали архивы Киевской, Смоленской, Волынской и других русских земель. Наконец, в 1815 г. на целое столетие Варшава стала частью империи. И опять же, ни правительство, ни чиновники, ни историки не заинтересовались древними документами русских княжеств.

Ларчик открывается просто. Эти документы не нужны были для обоснования «магистральной линии», а в отдельных случаях могли ей сильно повредить. Замечу, что не только

русское правительство, но и значительная часть польской и русской знати не была заинтересована в изучении истории южных и западных русских княжеств.

Дело в том, что в XIX веке чуть ли не каждый пятый поляк был дворянином. В Польше несколько веков трудились еврейские конторы, которые мастерски подделывали родословные. Особенно легко и удобно было создавать легенды для родов, происходивших из Великого княжества Литовского. Понятно, магнаты с подделанными родословными как огня боялись открытия подлинных документов XIII–XVII веков. Аналогичная ситуация была и в России. Там, к примеру, десятки знатных фамилий вели свои родословные от святого князя Михаила Черниговского. Естественно, каждое семейство имело подробное генеалогическое древо, начинавшееся со святого Михаила. Но при попытке собрать вместе родословные князей Одоевских, Оболенских, Горчаковых, Волконских, Барятинских и прочих получается куча разночтений. Сразу бросается в глаза хронологическая несуразность – удельные князья живут по 80–120 лет, причем, участвуют в битвах до последнего издыхания, и т. д. Понятно, что тут пропущены одно-два поколения. Надо ли говорить, что все эти лица также были заинтересованы в сокрытии исторической правды.

Александр Твардовский писал: «Кто прячет прошлое ревниво, тот и с грядущим не в ладу». Тяжелая расплата за историческое невежество пришла в 1991 г.

В этой книге автор попытался дать историю борьбы литовских и московских князей за обладание русскими землями. Вместе с тем автор посвятил отдельные главы истории Киевского, Черниговского и Смоленского княжеств, а также Галицкого королевства и Новгородской республики. Для этого пришлось пойти на некоторое нарушение хронологии повествования, а в ряде случаев допускать повторы.



Глава 1

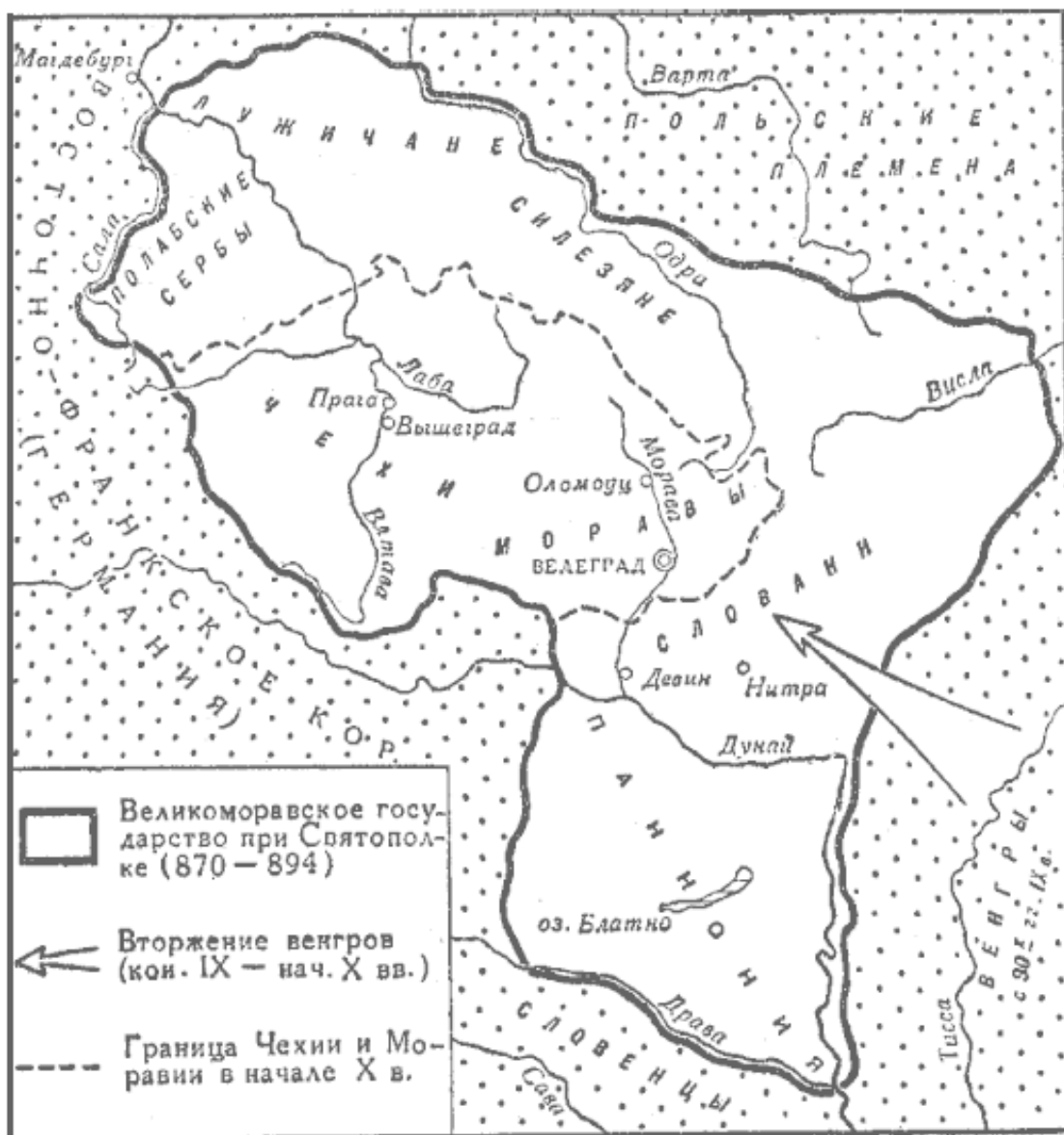
Роковой раздел братьев-славян



В VII–VIII веках многочисленные западославянские племена занимали обширную территорию по бассейнам рек Вислы, Одры (Одера) и Лабы (Эльбы). В бассейне верхней Лабы, рек Влатвы и Моравы жили чешско-моравские племена, в бассейне Вислы и Варты, до Орды и Ниссы на западе – польские племена. Земли в бассейне средней и нижней Лабы до Балтийского моря занимали полабские славяне, образовавшие несколько племенных союзов. Между Салой и Лабой и далее к востоку жили племена серболужицкого союза, а по средней Лабе и далее на северо-восток – племена союза лютичей. Нижнюю Лабу заселяли ободриты. Лютичи и ободриты занимали земли до самого Балтийского моря. К востоку от них, на балтийском побережье, жили поморяне, принадлежавшие к польской группе западославянских племен. Ободритов, лютичей и поморян часто называют балтийскими славянами.

В IX веке возникает сильное государственное объединение славян – Великоморавская держава, ставшая одним из самых мощных государств Европы. В состав Великоморавской державы входили Чехия, Моравия, Словакия, Лужицы и земли ободритов.

В 863 г. из Византии в Великоморавское государство прибыла церковная миссия, возглавляемая братьями Кириллом (Константином) и Мефодием. Они начали перевод церковных книг на славянский язык, проповедовали христианство, проводили богослужения на славянском языке. В Паннонии и Моравии Кирилл и Мефодий содействовали подготовке славянского духовенства. Создание своей церкви укрепило политическую независимость Великоморавской державы и стало грозным оружием в борьбе с немецкой агрессией. Зависимость же от Константинопольского патриарха была чисто формальной.



Великоморавское государство в конце IX в.

Князь Ростислав и великоморавская знать поддерживали деятельность Кирилла и Мефодия. Но в 870 г. ставленник немецких феодалов Святополк – племянник Ростислава – сверг своего дядю и занял княжеский престол. Ростислава же вывезли в Германию. Там он был ослеплен и навечно заточен в монастырь. Несколько позже немцы схватили и Святополка, и также отправили его в Германию.

Одновременно западное духовенство¹ начало преследовать славянских церковнослужителей. Мефодия схватили, бросили в темницу и подвергли жестоким пыткам².

Результатом насилий немецких феодалов и западного духовенства стало восстание, вспыхнувшее в конце 871 г. под руководством священника Славомира. Тогда рыцари вспомнили о князе Святополке, томившемся в застенках одного из немецких замков. Его осво-

¹ Официальное разделение церквей на православную и католическую произошло в 1054 г., однако фактический раскол был уже в IX в. Для удобства читателя здесь и далее я буду именовать западным духовенством клир, подчиняющийся римскому папе, и, соответственно, восточным духовенством – пастырей, подчиняющихся константинопольскому патриарху.

² Кирилл к этому времени уже умер (в 869 г.).

бодили и поставили во главе немецкого войска, снаряженного для подавления восстания в Великоморавской державе. Но немцы просчитались – Святополк перешел на сторону восставших, помог славянам разбить немецкое войско и вновь занял княжеский престол. Правил он до своей смерти в 894 г.

Святополк сразу же освободил из тюрьмы Мефодия, который вместе с многочисленными учениками продолжил свою духовную деятельность в Великоморавском государстве. Однако князь Святополк оказывал недостаточную поддержку восточному духовенству в его борьбе с папистами. После смерти Мефодия в 885 г. его ученики были изгнаны из Моравии и нашли убежище в Болгарии.

После смерти Святополка его сыновья начали борьбу за власть. В результате чешские земли попадают под власть германского князя Арнульфа. В 906 г. венгры завоевывают словацкие земли, составлявшие значительную часть Великоморавской державы. Словаки попали под власть венгерских феодалов и на целое тысячелетие оказались оторванными от чешского народа.

Падение Великоморавского государства кардинально изменило ход развития западных славян. Как писал известный историк С.М. Соловьев: «Разрушение Моравской державы и основание Венгерского государства в Паннонии имели важные следствия для славянского мира. Славяне южные были отделены от северных, уничтожено было центральное владение, которое начало соединять их, где произошло столкновение, загорелась сильная борьба между Востоком и Западом, между германским и славянским племенем, где с помощью Византии основалась славянская церковь. Теперь Моравия пала, и связь славян с Югом, с Грецией, рушилась: венгры стали между ними, славянская церковь не могла утвердиться еще, как была постигнута бурей, отторгнута от Византии, которая одна могла дать питание и укрепление младенчеству церкви. Таким образом, с уничтожением самой крепкой связи с востоком, самой крепкой основы народной самостоятельности, западные славяне должны были по необходимости примкнуть к западу и в церковном, и в политическом отношении. Но мало того, что мадьярским нашествием прекращалась связь западных славян с Византией, прекращалась также и непосредственная связь их с Римом, и они должны были принимать христианство и просвещение из рук немцев, которые оставались для них теперь единственными посредниками. Этим объясняется естественная связь западных славян с Немецкою империею, невозможность выпутаться из этой связи для государственной и народной независимости»³.

В IX веке территория Польши контролировалась десятками племенных группировок, только в Силезии их было не менее пяти. К началу X века наиболее сильными становятся две – висляне («люди Вислы») вокруг Кракова и поляне («люди полей») вокруг Гнезно. В 960 г. верх берет полянская группировка, во главе которой стоит князь Мешко (Мечеслав) из рода Пястов (922–992 гг.). Согласно легенде основателем этой династии был простой крестьянин Пяст, изготавливавший колеса для телег.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., Издательство социально-экономической литературы, 1959. Книга I. С. 191.



Князь Мешко (Мечеслав)

Около 966 г. Мешко женится на чешской княжне Доброве (Дубровке). Невеста была христианкой, и Мешко пришлось креститься. Вместе с Добровой в Польшу приехало и несколько священников-папистов во главе с епископом Иорданом. Именно с них и началось крещение Польши.

Мешко начал сношения с римским престолом, и в 990 г. римский папа признал Мешко королем. Тем не менее, занявший после смерти Мешко престол Болеслав I Храбрый считался только великим князем и принял королевский титул лишь в 1025 г. за несколько недель до своей кончины.

Первое столкновение Руси⁴ и Польши, о котором сохранились письменные свидетельства, произошло в 981 г. Согласно русской летописи князь Владимир Красное Солнышко (г. рож. неизв. – ум. 1015 г.) ходил с войском на ляхов и занял Перемышль, Червен и другие их города. Забавно, что чешские историки утверждают, будто эти города не могли быть отняты у поляков, а были отняты у чехов, поскольку земля к востоку до Буга и Стиря, впоследствии названная Галицкой, принадлежала в то время чехам. Чехи ссылаются на данную Пражскому епископству при его основании грамоту, в которой границами епископства к востоку обозначены реки Буг и Стирь в Хорватской земле. С.М. Соловьев довольно аргументированно доказал недостоверность этой грамоты⁵, так что 981 г. мы должны считать годом первой русско-польской войны.

Русские летописи свидетельствуют, что занятые князем Владимиром города принадлежали Руси еще при Олеге Вещем, но были заняты поляками в малолетство князя Игоря. Согласно русским летописям, в 992 г. князь Владимир воевал с Мешко «за многие противности его» и в бою за Вислой одержал полную победу. Поводом к этой войне могли служить спор за Червенские города. Война эта могла вестись в союзе с чешским князем Болеславом II Благочестивым, который с 990 г. воевал с Мешко. Болеслав I Храбрый (967–1025 гг.), занявший польский престол после смерти своего отца князя Мешко в 992 г., еще как минимум год продолжал войну.

Болеслав I был опытным политиком и храбрым воином. На севере он расширил свои владения до Балтийского моря, подчинив себе поморян и пруссов. Болеслав I, воспользовавшись смертью в 999 г. чешского князя Болеслава II, напал на Краков и присоединил его с окрестностями к Польше. В это же время он захватил Моравию и земли словаков до Дуная.

⁴ В данной монографии здесь и далее автор будет называть население стран так, как оно называлось в документах того времени.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга I. С. 193–194.



Болеслав I Храбрый

Примерно⁶ в 1008–1009 гг. Болеслав I заключил мир с Владимиром Красное Солнышко. Мир был скреплен родственным союзом: дочь Болеслава вышла замуж за сына Владимира

⁶ Из-за скудности и противоречивости источников X–XI вв. историкам приходится иногда реконструировать события и ориентировочно указывать даты.

Святополка (ок. 980 – ок. 1019 гг.). Но этот первый родственный союз польских и русских князей привел не к миру, а к серии новых войн. Где-то между 980 и 986 годом Владимир разделил земли между сыновьями. Вышеслава он направил в Новгород, Изяслава – в Полоцк, Святополка – в Туров, Ярослава – в Ростов. Следует заметить, что Владимир ставил сыновей не независимыми правителями областей, а всего лишь своими наместниками.

В конце 1012 или в начале 1013 года Святополк вместе с женой и ее духовником Рейнберном Колобрежским оказывается в киевской темнице. Подробности ареста туровского князя летописцы до нас не донесли, что дало повод разыграть фантазии историков. Так, Ф.И. Успенский писал: «Епископ колобрежский [Рейнберн], сблизившись со Святополком, начал с ведома Болеслава подстрекать его к восстанию против Владимира... С этим восстанием связывались виды на отторжение России от союза с Востоком [Византией] и восточного православия»⁷. Видимо, более близок к истине П. Голубовский: «Князь Туровский, Святополк, заводит отношения с Польшей, чтобы иметь поддержку для завоевания своей автономности, и попадает за это в тюрьму»⁸. Не исключено, что Святополк попросту отказался платить дань Киеву, как это сделал в 1014 г. князь Ярослав в Новгороде.

В немецкой хронике Титмара Мерзенбургского, умершего в 1018 г., говорится, что Болеслав, узнав о заточении дочери, спешно заключил союз с германским императором и, собрав польско-германское войско, двинулся на Русь. Болеслав взял Киев и освободил Святополка и его жену. При этом Титмар не говорит, на каких условиях был освобожден Святополк. По версии Титмара Святополк остался в Киеве и стал править вместе с отцом. Нам же остается только гадать, был ли Святополк при Владимире советником, или наоборот, Святополк правил страной от имени отца.

Любопытно, что все русские летописи молчат о последних годах жизни князя Владимира Красное Солнышко. Из этого может следовать лишь один вывод: кто-то, то ли сам Ярослав, то ли его дети, основательно отредактировали русские летописи, а периоды, где врать уже было невмочь, попросту опустили.

Так или иначе, но к 1015 г. Святополк был если не правителем Киева, то, по крайней мере, соправителем своего отца⁹. Надо сказать, что перед смертью Владимира на Руси было неспокойно. К примеру, после смерти в 1001 г. Изяслава Владимировича, посаженного отцом в Полоцке, полоцким князем-наместником был назначен не следующий по старшинству брат, как было принято тогда и в последующие 400 лет на Руси, а сын Изяслава юный Брячислав. Это свидетельствует о фактической независимости Полоцкого княжества от Киева. Затем и Ярослав Владимирович в Новгороде отказался платить дань Киеву. Там начинают готовиться к походу на Новгород. Но весной 1015 г. Владимир разболелся и 15 июля умер. Естественным возможным приемником Владимира был Святополк. Он был самый старший из сыновей Владимира, то есть законный наследник престола.

И тут согласно русским летописям и «Сказанию о Борисе и Глебе» начинаются абсолютно необъяснимые события. Полоцкое и Новгородское княжества отделяются от Киева и готовятся к войне с ним. Значительная часть князей Владимировичей (Мстислав – князь тмутараканский, Святослав – князь древлянский и Судислав – князь псковский) держат нейтралитет и не собираются подчиняться центральной власти. Лишь два младших по возрасту князя – Борис Ростовский и Глеб Муромский – заявляют, что готовы чтить Святополка, «как отца своего».

⁷ Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе, СПб, 1872. С. 257.

⁸ Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XIII вв. Киев, 1884. С. 175.

⁹ Существует версия, что Святополк был не сыном Владимира, а племянником, сыном убитого им брата Ярополка. Однако достоверных подтверждений этой версии нет.

А Святополк начинает свое правление с убийства... двух самых верных и, кстати, своих единственных вассалов, Бориса и Глеба.

Тайна была раскрыта норманнским скальдом в «Саге об Эймунде»¹⁰. Эймунд был командиром наемной варяжской дружины, служившей у Ярослава Владимировича, вошедшего в историю под именем Ярослава Мудрого (ок. 987–1054 гг.). Согласно саге Борис (Бурислейф)¹¹ верно служил своему сюзерену Киевскому князю Святополку и водил рати печенегов на Ярослава. Летом 1017 г. печенеги под командованием князя Бориса ворвались в Киев, но они увлеклись грабежом, и варяги Эймунда выбили их из города. Следующим летом Борис опять идет с печенегами к Киеву. Тогда Эймунд обратился к Ярославу (Ярислейфу): «Никогда не будет конца раздорам, пока вы оба живы». Ярослав оказался действительно «мудрым» и хитро ответил: «Я никого не буду винить, если он (Борис) будет убит». Эймунд выполнил приказ своего князя и убил Бориса. Об убийстве Глеба достоверных данных нет. Предполагается, что он был сторонником Ярослава, и убили его свои же муромские подданные.

Но вот в 1054 г. умер Ярослав Мудрый, и на Руси вновь начались большие усобицы. Естественно, что о событиях 1015–1018 гг. все давно забыли. Этим и воспользовался князь Изяслав Ярославович, чтобы в 1072 г. канонизировать Бориса и Глеба как невинно убиенных злодеем Святополком Окаянным.

Как уже говорилось, история убийства варягами Бориса и «варяжский вариант» гражданской войны на Руси 1015–1025 гг. приведены в книге «Северные войны России». Здесь же я остановлюсь на «польском варианте» войны.

Осенью 1016 г. князь Ярослав Владимирович (в саге – Ярислейф) с помощью варягов разбил у города Любеч войско печенегов под предводительством Бориса Владимировича (Бурислейфа) и вскоре овладел Киевом. Борис бежал к печенегам, а князь Святополк – в Польшу к своему тестю Болеславу Храброму. При этом его жена стала добычей Ярослава. Однако Болеслав был поглощен борьбой с немцами, и судьба дочери и зятя его мало волновала. Поэтому Болеслав решил немедленно завести дружбу с победителем. Мало того, вдовый Болеслав предложил Ярославу Владимировичу скрепить союз браком с его сестрой Предславой. Одновременно, «с лисьим коварством» (по словам Титмара Мерзебургского), Болеслав вел переговоры и с германской знатью, и тоже отправил сватов к Оде, дочери майсенского маркграфа Эккехарда в Саксонии.

Ярослав же, овладев Киевом, считал себя непобедимым и грубо отказал Болеславу в союзе, как в политическом, так и в брачном. Мало того, Ярослав в первой половине 1017 г. отправил послов к германскому императору Генриху II, чтобы заключить наступательный союз против Польши. Генрих обрадовался русскому посольству, и в том же году была организована первая русско-германская коалиция против Польши. Кроме Руси и Германии в состав коалиции вошли чешский князь Олдржих и племя язычников лютичей.

Болеслав Храбрый решил бить врагов поодиночке. Войско его сына Мешко, будущего короля Мечеслава II (р. в 990 г., правил в 1025–1034 гг.), вторглось в Чехию и, пользуясь отсутствием Олдржаха, разорило страну.

Германо-чешское войско осадило польскую крепость Немч, но вскоре было вынуждено отступить в Чехию. 1 октября 1017 г. Болеслав предложил Генриху начать переговоры о мире и отправил послов в город Мерзабург, где находилась ставка императора. Переговоры затянулись, и лишь 30 января 1018 г. в городе Будишине (Баутцене) был подписан мир между Польшей и Германской империей. Польша получила земли, принадлежавшие ей еще до начала войны 1015–1017 гг.: Лужицкую марку и Мильско (земли мильчан). Однако если

¹⁰ Подробнее см. Широкоград А.Б. Северные войны России. Москва – Минск, АСТ – Харвест, 2001. С. 25–35.

¹¹ Так он именовался в «Саге об Эймунде».

раньше Болеслав владел ими на правах имперского лена, то теперь они прямо включались в состав Польского государства.

Генрих дал согласие на брак с Одой. Бракосочетание состоялось с фантастической для того времени быстротой – всего через четыре дня после заключения Будишинского мира.

Между тем, в 1017 г. Ярослав с войском двинулся к Берестью (нынешнему Бресту). Город Берестье к 1015 г. входил в состав Туровского княжества, и там мог находиться как русский гарнизон, преданный Святополку, так и польское войско. Взял ли Ярослав Берестье или нет, неизвестно, но хронист Титмар Мерзебургский кратко написал, что Ярослав, «овладев городом, ничего [более] там не добился». Итак, войско Ярослава вернулось назад. Возможно, это было связано с нападением печенегов, ведомых Борисом Владимировичем. Летом 1017 г. Болеслав двинулся с войском навстречу Ярославу. Помимо поляков у него было 300 наемных немцев, 500 венгров и 1000 печенегов. С поляками шла и русская дружина Святополка.

Рати встретились 20 июля 1017 г. на Волыни на реке Буг. Два дня противники стояли друг против друга и начали обмениваться «любезностями». Ярослав велел передать польскому князю: «Пусть знает Болеслав, что он, как кабан, загнан в лужу моими псами и охотниками». На что Болеслав ответил: «Хорошо ты назвал меня свиньей в болотной луже, так как кровью охотников и псов твоих, то есть князей и рыцарей, я запачкаю ноги коней моих, а землю твою и города уничтожу, словно зверь небывалый».

На следующий день, 22 июля, воевода Ярослава некий Буда начал насмехаться над польским князем, крича ему: «Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!»¹² По словам летописца Болеслав был крупным и толстым, так что с трудом мог сидеть на лошади. Он не вытерпел насмешки и сказал своим дружинникам: «Если вам это ничего, так я один погибну», сел на коня и бросился в реку. Войско поспешило за своим князем. Русские полки не ожидали такой внезапной атаки, растерялись и обратились в бегство.

Разгром был полный. По свидетельству Титмара Мерзебургского: «Тогда пало там бесчисленное множество бегущих». Тоже говорят и русские летописцы: «И иных множество победили, а тех, которых руками схватили, расточил Болеслав по ляхам». В числе погибших называют и воеводу Буды (Буду).

Сам Ярослав с четырьмя дружинниками убежал в Новгород. Там он решил бежать в Швецию. Но новгородцы во главе с посадником Константином сыном Добрыни «рассекли лады Ярослава, так говоря: «Хотим и еще биться с Болеславом и со Святополком». Начали деньги собирать: от мужа по 4 куны, а от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен. И привели варягов, и отдали им деньги, и собрал Ярослав воев многих».

Между тем бегство Ярослава открыло союзному войску Болеслава путь на Киев. Титмар Мерзебургский пишет: «Добившись желанного успеха, [Болеслав] преследовал разбитого врага, а жители повсюду встречали его с честью и большими дарами». Войско Болеслава шло через Владимир Волынский, Дорогобуж, Луцк и Белгород. Жители этих городов не оказывали сопротивления и признавали власть Святополка.

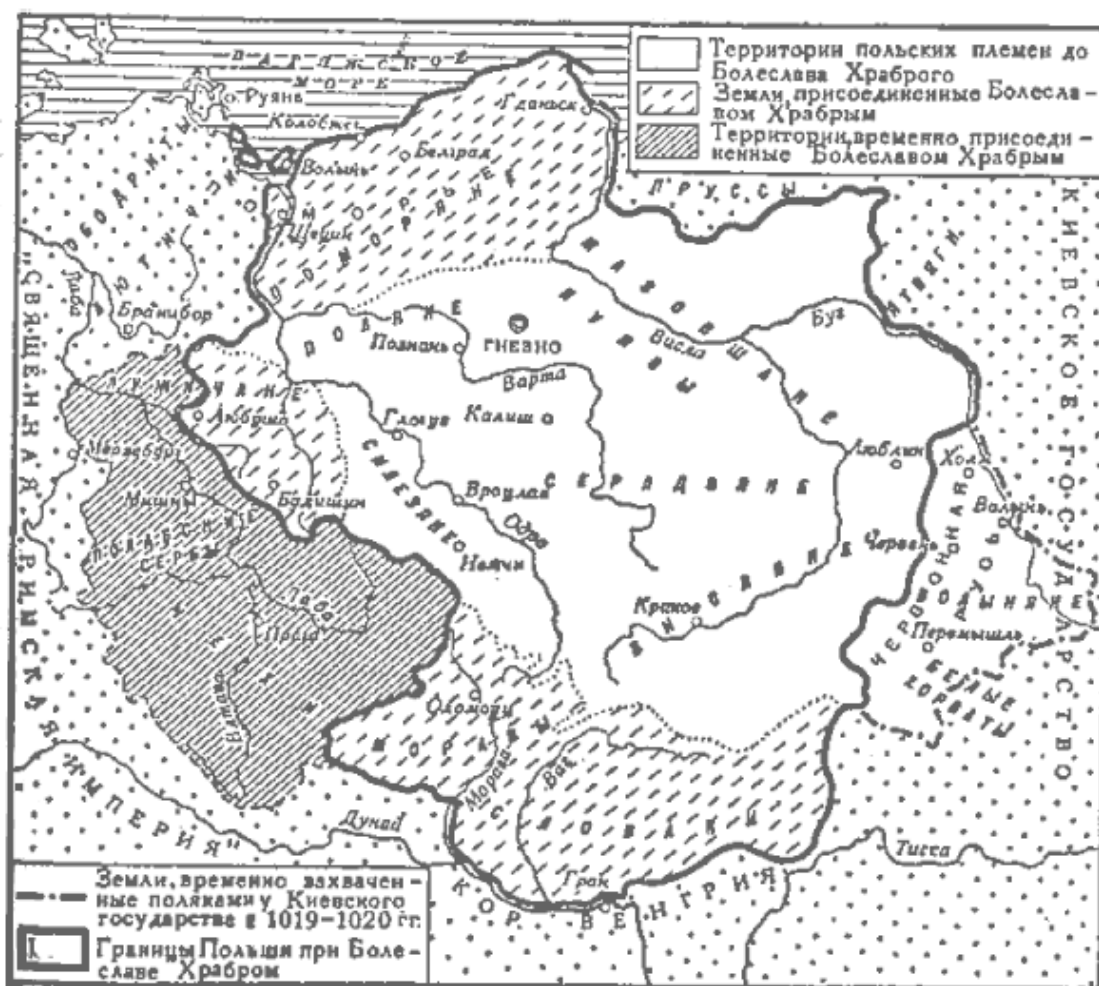
В начале августа 1018 г. поляки подошли к Киеву. Дружина Ярослава и наемники-варяги попытались оказать сопротивление. Но Болеслав не спешил со штурмом города, и вскоре защитники Киева сдались из-за нехватки продовольствия. Судя по всему, капитуляция была почетной.

14 августа союзники вошли в город. У собора святой Софии (тогда еще деревянного) Болеслава и Святополка «с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием» встретил киевский митрополит.

¹² Тут стоит отметить любопытную деталь: здесь и далее русские и поляки ругаются и мирятся, понимая друг друга без переводчиков, что служит достоверным доказательством крайней близости древних русского и польского языков.

Польские хронисты утверждают, что князь Болеслав, вступив в завоеванный Киев, ударил мечом по Золотым воротам города. На вопрос, зачем он это сделал, Болеслав будто бы ответил «с язвительным смехом»: «Как в этот час меч мой поражает золотые ворота города, так следующей ночью будет обесчещена сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать ее за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесенная нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестьем».

В Великопольской хронике XIII–XIV веков говорится: «Говорят, что ангел вручил ему [Болеславу] меч, которым он с помощью Бога побеждал своих противников. Этот меч и до сих пор находится в хранилище краковской церкви, и польские короли, направляясь на войну, всегда брали его с собой и с ним обычно одерживали триумфальные победы над врагами... Меч короля Болеслава... получил название «щербец», так как он, Болеслав, придя на Русь по внушению ангела, первый ударил им в Золотые ворота, запиравшие город Киев на Руси, и при этом меч получил небольшое повреждение».



Польша в конце X – начале XI в.

В руки Болеслава попали все женщины из семьи Ярослава – его «мачеха» (видимо, последняя, неизвестная русским источникам, жена князя Владимира Святого), жена и девять сестер. Титмар пишет: «На одной из них, которой он и раньше добивался [Предславе], незаконно, забыв о своей супруге, женился старый распутник Болеслав». В Софийской Первой

летописи говорится более определенно: «Болеслав положил себе на ложе Предславу, дочь Владимирову, сестру Ярославлю».

Между прочим, Ярослав еще до битвы на Буге отослал в Новгород захваченную в полон жену Ярополка. Болеслав взял Предславу к себе в наложницы, а позже увез ее с собой. Дальнейшая судьба ее неизвестна.

Видимо, Болеслав нарушил условия капитуляции Киева и вскоре отдал город на разграбление. Разделив добычу, наемники – саксонцы, венгры и печенегі отправились восвояси. Сам же Болеслав с частью польского войска остался в Киеве, а остальная часть войска была размещена в ближайших городах. Польский князь явно не знал, что делать с Киевом. Он даже начал в Киеве чеканку серебряных монет, так называемых «русских денариев» с надписью кириллицей «Болеслав».

Но польский князь понимал, что удерживать Киев дольше будет невозможно. Он попытался даже вступить в переговоры с Ярославом, находившимся в Новгороде, и послал туда киевского митрополита. Поводом для серьезных переговоров стал вопрос об обмене дочери Болеслава и жены Святополка на жену Ярослава. Однако Ярослав не желал мириться в такой ситуации с Болеславом, кроме того, у него были весьма веские причины желать, чтобы жена его сгинула в польском плену.

Что же касается Святополка, то он не хотел ни мира с Ярославом, ни присоединения Киевской земли к Польше. В Повести временных лет говорится: «Болеслав же пребывал в Киеве, сидя [на престоле]; безумный же Святополк стал говорить: “Сколько есть ляхов по городам, избивайте их”». Киевлян и жителей других городов, оккупированных ляхами, долго уговаривать не пришлось. Почти одновременно началось изгнание поляков. Однако непонятным образом Болеславу удалось уйти из Киева с большей частью людей, а также с награбленными ценностями. Знатные русские пленники – бояре Ярослава, жены и сестры – были отправлены в Польшу, видимо, еще раньше. Болеславу удалось сохранить за собой и Червенские города, приобретенные еще князем Владимиром Святым.

После ухода поляков Святополк стал киевским князем и тоже начал чеканить собственную серебряную монету. А тем временем Ярослав счел себя холостым и послал сватов к шведскому конугу Олафу Шётконугу. Летом 1019 г. в Новгороде состоялось бракосочетание дочери Олафа Ингигерд, принявшей христианское имя Ирина, с Ярославом. Ингигерд привела с собой в качестве приданого дружину, а Ярослав передал шведам город Ладогу с окрестными землями. Шведы называли Ладогу Альдейгьюборг, первым правителем ее стал шведский ярл Рёгнвальд Ульвссон. Вернуть Ладогу русским князьям удалось лишь во второй половине XI века.

В том же 1019 г. Ярослав двинулся с большой ратью на Киев. Согласно Устюжской летописи у него было 40 тысяч человек, из них варягов 18 тысяч.

Святополк призвал на помощь печенегов, но в битве на реке Альте недалеко от Киева был разбит. Святополк в очередной раз бежал на запад, где и умер. Причем, достоверных сведений о месте и времени его смерти нет. Тем не менее, гражданская война на Руси с бегством «окаянного» Святополка не закончилась. Ярославу пришлось воевать еще с племянником Брячиславом Полоцким и братом Мстиславом Тмутараканским.

В 1021 г. Ярославу удалось заключить мир с племянником. При этом он не только признал полную независимость Полоцкого княжества, но и уступил города Витебск и Усвят, где были стратегические волоки на пути «из варяг в греки». В 1025 г. Ярослав заключил мир с Мстиславом. Братья разделили Русскую землю по Днепру, как хотел Мстислав. Он взял себе восточную сторону с главным столом в Чернигове, а Ярослав – западную сторону с Киевом.

В 1022 г. войска Ярослава приходили к Берестью, занятому поляками, однако удалось ли им взять город, летопись умалчивает.

В 1025 г. через несколько недель после своей коронации умер Болеслав Храбрый. В Польше началась усобица между Болеславичами – новым великим князем Мешко II и его братом Оттоном. В польские дела немедленно вмешиваются соседи – немцы и чехи. В ходе войны Оттон бежал к князю Ярославу Мудрому. Жить ему было приказано в Киеве, а не при дворе князя в Новгороде. В Киеве Оттон провел около шести лет. Оттуда он вступил в сношения с германским императором Конрадом, строя козни против брата. Все это, естественно, происходило с санкции Ярослава.

В 1030 г. Ярослав захватывает польский городок Белзы (Белз) на реке Жолокии, притоке Западного Буга (ныне на территории Львовской области). Согласно русской летописи «В лето 6539 (1031) Ярослав и Мстислав собрали воинов многих, пошли на ляхов и заняли грады Червенские опять, и повоевали Лядскую землю; и многих ляхов привели и разделили их: Ярослав посадил своих по Роси¹³; и пребывают они там и до сего дня».

¹³ Река к югу от Киева.



Мешко II

В войске Ярослава находилось немало варягов, в том числе Эйдив Рёгнвальдссон и Харальд. Позднее исландский скальд Тьодольв Арнорссон воспел этот поход и подвиги наемников варягов: «Воины задали жестокий урок ляхам» (в стихотворном переводе О.А. Смрницкой: «Изведал лях лихо и страх»). Поход Ярослава и Мстислава на Польшу был

согласован с наступлением с запада императора Конрада. Мешко II не смог остановить немцев и русских и был вынужден бежать в Богемию к чешскому князю Олдржиху. На польском престоле утвердился Оттон. Он прежде всего выполнил все приказания императора: отказался от титула короля и отослал польскую корону в Германию вместе с женой Мешка Риксой, а себя объявил вассалом германского императора.

Такое поведение пришлось не по нраву польской знати, и вскоре Оттон был убит, а его место занял брат Мешко II. Но править ему пришлось недолго, в 1034 г. убили и Мешко.

Его вдова Рикса, урожденная принцесса пфальцская, приняла опеку над своим малолетним сыном Казимиром. Рикса попыталась оттеснить от власти вельмож-поляков и править с помощью немцев. Дело кончилось переворотом и изгнанием Риксы в Германию.

Править страной стали польские магнаты от имени малолетнего Казимира. Но дела у них явно не клеились, и Польшу охватило восстание смердов. Причем, восстание носило как антифеодальный, так и антицерковный характер, – а большинство восставших были язычниками.

После похода 1031 г. Ярослав не вмешивался в польские дела, удовлетворившись присоединением к своим владениям «Червенских градов».

В 1039 г. в большей части Польши установилось спокойствие, и власть прочно держал в руках сын Мешко II князь Казимир I Восстановитель (1016–1058 гг.). Казимир и Ярослав заключили союз в борьбе против Моислава – бывшего дружинника Мешко, захватившего власть в Мазовии. Моислава поддерживали пруссы, литовцы и поморские славяне. В 1041 г. Ярослав совершает поход в Мазовию. Причем войско его шло варяжским способом на лодках по рекам Припяти и Западному Бугу.

В 1043 г. Казимир женился на сестре Ярослава Мудрого Доброгневе (Марии), получив богатое приданое, а вместо вена он отдал Ярославу 800 пленных, взятых Болеславом на Руси. В 1047 г. Ярослав опять пошел с войском на помощь Казимиру против Моислава. На этот раз Моислав был убит, а рать его разбита, Мазовия снова подчинилась польскому князю. Вскоре союз Руси и Польши скрепился еще одним браком – сын Ярослава Изяслав женился на сестре Казимира. До самой смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. с Польшей сохранялись добрососедские отношения.

Глава 2

Рюриковичи и Пясты – враги и союзники

В 1079 г. польские паны и духовенство согнали с престола польского короля Болеслава II Смелого (1042–1081 гг., король с 1076 г.) а вместо него на престол возвели его брата – слабовольного Владислава (Володислава) I Германа (1043–1102 гг.).

Как писал С.М. Соловьев: «Владислав вверился во всем палатину Сецеху, который корыстолюбием и насильственными поступками возбудил всеобщее негодование. Недовольные встали под предводительством побочного сына Владислава, Збигнева. В эту усобицу вмешались чехи, а, с другой стороны, Владислав должен был вести упорную борьбу с поморскими славянами. Легко понять, что при таких обстоятельствах Польша не только не могла обнаружить своего влияния на дела Руси, но даже не могла с успехом бороться против Василька Ростиславича, который с половцами пустошил ее области»¹⁴.

Замечу, что Василько Ростиславович (1062–1124 гг.) был с 1085 г. удельным князем теребовльским.

В 1138 г. (по другим сведениям в 1139 г.) умер польский король Болеслав III Кривоустый (р. 1086 г., правил 1102–1138 гг.). После его смерти Польша окончательно вступила в период феодальной раздробленности. Свое юридическое оформление феодальная раздробленность получила в так называемом Статусе Болеслава Кривоустого, изданном в 1138 г. Согласно этому Статусу Польское государство было разделено между сыновьями Болеслава III. Старший сын – Владислав II (1105–1159 гг.) получил Силезию, Мешко (1126–1202 гг.) – большую часть Великой Польши с Познанью и часть Куявии, Болеслав Кудрявый (1121–1173 гг.) – Мазовию, а Генрих – Сандомирскую и Люблинскую земли. Статусом устанавливался принцип сеньората. Старший в роде получал верховную власть с титулом великого князя. Столицей его был Краков. Помимо собственного удела, он получал еще великокняжеский удел, в состав которого входили Краковская, Серадзская и Ленчицкая земли, часть Куявии с городом Крушвицей и часть Великой Польши с Калишем и Гнезно.

Старший Болеславович Владислав II по натуре слыл человеком кротким и миролюбивым. Полной противоположностью ему была его жена Агнесса – дочь австрийского герцога Леопольда. Немецкой принцессе казались дикими родовые отношения между князьями. Она не могла смириться с тем, что ее супруг только старший среди братьев. Агнесса язвительно называла мужем «полукнязем» и «полумужчиной» за то, что он терпел рядом с собой столько равноправных князей. И Владислав, не выдержав насмешек жены, поддался ее увещаниям и начал требовать дань с уделов братьев, хотел забирать их города и даже намеревался изгнать их из Польши. Но вельможные паны встали на защиту младших братьев, и Владислав в 1142 г. был вынужден сам бежать в Германию. Краковский престол перешел следующему по старшинству брату – Болеславу IV Кудрявому. Русские князья вновь вмешались в польские усобицы. Тем более что великий князь Киевский Всеволод Ольгович (род. до 1094 г. – ум. 1146 г.) был в родстве с Владиславом II – дочь Всеволода Звенислава была замужем за старшим сыном Владислава Болеславом. В 1142 г. Всеволод послал своего сына Святослава, двоюродного брата Изяслава Давыдовича и Владимира Галицкого на помощь Владиславу II против его младших братьев. Но русские полки не спасли Владислава. Русский летописец повествует, что княжеские дружины больше занимались опустошением и разграблением Польши, чем усмирением младших братьев Болеславичей, «побравши в плен больше мирных, чем ратных людей».

¹⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга I. С. 369.

Владислав еще надеялся с помощью русских или немцев вернуть себе польский престол, и в 1145 г. князь Игорь Ольгович (ок. 1096 г. – 1147 г., с 1146 г. великий князь Киевский) с братьями вновь отправляется в польские земли воевать младших братьев Болеславичей. Летописец говорит: «В середине земли Польской встретились они с Болеславом Кудрявым и братом его Мечеславом (Мешко). Польские князья не захотели биться, приехали к Игорю с поклоном и помирились на том, что уступили старшему брату Владиславу четыре города во владение, а Игорю с братьями дали город Визну, после чего русские князья возвратились домой и привели с собою большой полон».

С XII века особое значение в русско-польских отношениях приобрело Галицкое удельное княжество. В 1187 г. умер галицкий князь Ярослав Владимирович Осмомысл. Перед смертью он обратился к боярам: «Я одною своею худою головою удержал Галицкую землю, а вот теперь приказываю свое место Олегу, меньшому сыну моему, а старшему, Владимиру, даю Перемышль». Но Олег был сыном князя от наложницы Настасьи, которую в 1174 г. галицкие бояре сожгли на костре. Поэтому Олега сразу же после смерти отца изгнали из Галича, а на престол был посажен Владимир Ярославич (ок. 1151 г. – ок. 1198 г.). Но, увы, Владимир увлекался вином и женщинами, по словам летописца он «умел только пить, а не любил думы думать с своими боярами. Отнял у попа жену и стал жить с нею, прижил двоих сыновей. Мало того, понравится ему чья-нибудь жена или дочь, брал себе насильно».

Встретившись с сильной боярской оппозицией, Владимир Ярославович решил не искушать судьбу и бежал из родного Галича в Венгрию. Галичем же овладел соседний владими́ро-во́лыньский князь Роман Мстиславич (род. после 1149 г. – ум. 1205 г.).

Венгерский король Бела III радушно встретил изгнанника Владимира Ярославича, собрал большую рать и пошел на Галич. У Романа Мстиславича не было сил для сражения с венгерским войском, и он отправился обратно на Волынь. Однако хитрый Бела III обманул Владимира и поставил галицким князем своего сына Андрея. Что же касается Владимира Ярославича, то его силой увезли в Венгрию и заточили в каменной башне.

В 1190 г. Владимиру удалось бежать из венгерской неволи. Вскоре он объявился при дворе германского императора Фридриха Барбаросса. Владимир предложил Фридриху выплачивать ежегодно по две тысячи гривен серебром, и тот отправил его при своем после к польскому князю Казимиру II Справедливому (1138–1194 гг.) с приказом, чтобы последний помог ему получить обратно галицкий престол. Казимир отправил с Владимиром своего воеводу Николая с войском. Когда галичане узнали о приближении своего бежавшего князя с польским войском, то вышли ему навстречу, провозгласили своим князем, а венгерского королевича Андрея изгнали.

В Польше после смерти Болеслава IV Кудрявого в 1173 г. великокняжеский престол перешел к следующему брату Мешко III. Но тот умудрился восстановить против себя вельможных панов, и вскоре был изгнан ими. Князем провозгласили самого младшего Болеславича – Казимира II Справедливого¹⁵. После смерти Казимира великим князем был избран его сын – несовершеннолетний Лешко Белый (1186–1227 гг.). Однако еще был жив отставной князь Мечеслав III, которого именовали Старым. Старый начал усобицу против племянника. В это время в Кракове объявился уже знакомый нам князь Роман Мстиславич, который приехал просить помощи в своей очередной усобице. И он надеялся эту помощь получить, поскольку вдова Казимира Справедливого Елена приходилась ему родной племянницей, она была дочерью его брата Всеволода Мстиславича Бельского. Казимировичи ответили: «Мы бы рады были тебе помочь, но обижают нас дядя Мешко (Мечеслав), ищет под нами волости. Прежде помоги ты нам, а когда будем все мы поляки за одним щитом, то пойдем мстить за твои обиды».

¹⁵ Четвертый Болеславич, Генрих, к тому времени умер.



Казимир II Справедливый

Роман был не один, а с дружиной, и отправился вместе с детьми Казимира на Мечеслава Старого. Тот не желал биться с дружиной Романа Мстиславича и попросил его быть посредником в споре между ним и племянниками. Но Роман все же напал на войско Мешко. В результате дружина его была разбита, а сам князь, раненый, убежал в Краков, откуда уцелевшие дружинники перенесли его домой – во Владимир Волынский.



Лешко Белый

Тем не менее, союз с Казимировичами позже все-таки принес свои плоды Роману Мстиславичу. В 1198 г. умер галицкий князь Владимир Ярославич, и польские войска помогли Роману занять галицкий престол. Теперь Роман сел в Галиче «всерьез и надолго» и стал основателем династии галицких королей.

Между тем власть в Кракове три раза переходила от Лешко Белого к Мешко. В конце концов, Мешко III вроде бы твердо сел на престол, но в 1202 г. умер. Польские вельможи предложили престол Лешко, но не сговорились о цене и отдали его сыну Мешко Владиславу III Ласконогому (1161–1231 гг.). Вскоре Ласконогий поссорился с католическими прелатами и частью знати, и на престоле вновь оказался Лешко.

Князь Роман Мстиславич был постоянным союзником Лешко в его борьбе с Мешко и Ласконогим. Но когда Лешко основательно обосновался в Кракове, Роман потребовал у него волости в награду за прежнюю дружбу. Лешко отказал, в результате прежние союзники рассорились. По словам летописца в ссоре этой не последнюю роль сыграл Владислав Ласконогий. В 1205 г. Роман Мстиславич осадил Люблин, но, узнав, что Лешко с братом Конрадом идут на него, снял осаду и двинулся им навстречу. Перейдя Вислу, галицкие полки стали под городом Завихвостом. Вскоре туда прибыли послы от Лешко и начали переговоры. Решено было приостановить военные действия до окончания переговоров. Роман Мстиславич с несколькими дружинниками спокойно отъехал на охоту, но в засаде его ждал большой польский отряд. Силы были не равны, и после короткого, но жестокого боя Роман Мстиславич и его дружинники были убиты.



Владислав III Ласконогий

С.М. Соловьев писал о галицком князе: «Роман слыл грозным бичом окрестных варваров – половцев, литвы, ятвягов, добрым подвижником за Русскую землю, достойным наследником прадеда своего, Мономаха: «он стремился на поганых, как лев, – говорит народное поэтическое предание, – сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, перелетал земли их, как орел, и храбр он был, как тур, ревновал деду своему, Мономаху». Мы видели, что одною из главных сторон деятельности князей наших было построение городов, населе-

ние пустынных пространств: Роман заставлял побежденных литовцев расчищать леса под пашню, но тщетно казалось для современников старание Романа отучить дикарей от грабежа, приучить к мирным земледельческим занятиям, и вот осталась поговорка: «Роман! Роман! худым живешь, литвою орешь»¹⁶.

Последнее дало повод историку Стрыйковскому утверждать, что Роман впрягал пленных литовцев и ятвягов в плуги и заставлял выпаживать корни деревьев по новым местам. Роман Мстиславич оставил после себя двух малолетних детей – четырехлетнего Даниила¹⁷ и двухлетнего Василько¹⁸.

Галич представлял собой лакомый кусочек, и все соседи, как воронье, слетелись туда, узнав о смерти грозного Романа. В 1206 г. на Галич двинулось целое скопище русских князей: Владимир Святославич Чермный с братьями, Владимир Игоревич Северский с братьями, к ним присоединился смоленский князь Мстислав Романович с племянниками. К ним примкнули и половцы. В Киеве к компании присоединился Рюрик Ростиславич с сыновьями Ростиславом и Владимиром, и племянниками. С другой стороны к Галичу шел с войском из Кракова князь Лешко.

Вдова Романа княгиня Анна испугалась и попросила помощи у венгерского короля Андрея II, сына Белы III, того самого Андрея, который, будучи королевичем, когда-то княжил в Галиче.

Тем временем галицкие бояре, ненавидевшие Романа и его потомство, подняли мятеж и вынудили вдову с детьми и приближенными бежать во Владимир Волынский.

Наконец все три рати подошли к Галичу, но до битвы не дошло. Андрею II надо было возвратиться домой из-за интриг королевы Гертруды, поэтому он наскоро договорился с Лешко сделать галицким князем Ярослава Переяславского, сына великого князя Всеволода Суздальского, и отправился назад в Венгрию.

Однако галицкие бояре обманом посадили князем Владимира Игоревича Северского (ок. 1170 г. – 1212 г.). Свое правление Владимир Игоревич начал с того, что послал своих людей во Владимир Волынский с требованием выдать вдову и детей князя Романа. Анне вновь пришлось бежать ночью с двумя детьми, дядькой Мирославом, попом и кормилицей. Они долго думали, куда идти. Со всех сторон были только враги. Из всех зол беглецы выбрали меньшее, и, уповав на былую дружбу, направились в Польшу к Лешко, хотя князь Роман и был убит людьми Лешко, а мир с Польшей еще не был заключен. К счастью Лешко сжалился над беглецами и встретил их словами: «Не знаю, как это случилось, сам дьявол поссорил нас с Романом». Он отправил малолетнего Даниила в Венгрию со своим послом, велел передать королю: «Я позабыл свою ссору с Романом, а тебе он был друг: вы клялись друг другу, что кто из вас останется в живых, тот будет заботиться о семействе умершего. Теперь Романовичи изгнаны отовсюду: пойдем возвратим им отчину их».

Владимир Игоревич правил Галичем недолго. Он поссорился с галицкой дружиной и не придумал ничего лучшего, как попросту перебить ее. Однако убить удалось всего около пятисот человек, остальные разбежались. Многие из галицких дружинников и бояр отправились в Венгрию и стали просить короля Андрея: «Дай нам отчича нашего Даниила: мы пойдем с ним и отнимем Галич у Игоревичей». Король согласился, дал галицким боярам большое войско и вместе с Даниилом послал их в Галич. Лешко из Польши также направил отряд в помощь малолетнему Даниилу.

¹⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга I. С. 582.

¹⁷ Даниил Романович (1201–1264). Первая жена Анна, дочь Мстислава Мстиславича Удалого; вторая жена сестра литовского князя Товтивила.

¹⁸ Василько Романович (1203–1269). Женат на Елене, дочери великого князя владимирского Юрия Всеволодовича. Вторая жена тоже Елена, дочь краковского князя Лешко Белого.

Владимир Игоревич с сыном не стали дожидаться прихода войска и бежали. Даниил торжественно въехал в Галич, и бояре посадили его на отцовский престол в соборной церкви Богородицы.

Трудности, с которыми встретился в Галиче юный князь, выходят за рамки нашего повествования. Поэтому я приведу лишь один эпизод, хорошо иллюстрирующий и обстановку в Галиче, и характер мальчика. С.М. Соловьев писал: «Легко понять, что эти бояре посадили Даниила не для того, чтоб усердно повиноваться малютке. За последнего хотела было управлять его мать, приехавшая в Галич, как скоро узнала об успехе сына, но бояре немедленно же ее выгнали. Маленький Даниил не хотел расстаться с матерью, плакал, и когда Александр, шумавинский тиун, хотел насильно отвести его коня, то Даниил выхватил меч, чтоб ударить Александра, но не попал и ранил только его коня. Мать поспешила вырвать у него из рук меч, упростила успокоиться и остаться в Галиче, а сама отправилась в Бельз опять к Васильку и оттуда к королю в Венгрию»¹⁹.

В конце концов, Даниилу пришлось бежать, а Галицкое княжество поделили между собой венгерский король Андрей II и польский князь Лешко. В Галиче стал княжить сын Андрея королевич Коломан, которого по такому случаю женили на дочери Лешко Белого.

¹⁹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга I. С. 587.

Глава 3

Литва и Русь. Первые столкновения

Если о Польше наш читатель хоть что-то слышал, а при большом желании мог обратиться к трудам по истории Польши, изданных в XIX веке на русском языке или к современным на польском, то в отношении истории Литвы до XIV века даже в узко специальных трудах говорится весьма туманно.

Литовские племена относятся к индоевропейской группе и пришли на территорию, в основном совпадающую с нынешней Литвой, где-то в III тысячелетии до нашей эры. Сразу поставим точки над «і»: сведений о Литве до середины XIII века ничтожно мало. Так, первое письменное упоминание о Литве содержится в немецкой хронике (анналах Кведлинбурга) под 1009 годом.

По мнению литовских историков слово «Литва» пришло в русский, польский и другие славянские языки непосредственно из литовского языка. Они считают, что слово происходит от названия небольшой речки Летаука, а первоначальная Литва – это небольшой район между реками Нерис, Виляя и Неман.

Разрозненным литовским населением правили десятки князей (кунигасов). Важную роль играли языческие жрецы. Сведения о религии литовцев скудные и довольно противоречивые. Тем не менее, следует отметить, что их верования были очень близки к славянским. Так, и у славян, и у литовцев большую роль играл «живой огонь» – Знич. Раз в году с помощью трения добывался новый живой огонь, от него зажигали огонь у жертвенника и разносили по домам. Если огонь на жертвеннике потухал по вине жреца, то его немедленно убивали. Бог войны, повелитель грома и молний, у литовцев звался Пяркунас, западные славяне называли его Перкунос, а восточные – Перун. Как и славяне, литовцы создавали большие деревянные идолы Пяркунаса. Перед этими идолами совершали жертвоприношения – буйволов, быков, но, разумеется, Пяркунас больше всего любил людей. При этом, если славяне убивали жертву Перуну (обычно пленных) мечом, то литовцы жгли людей живыми.

Особую роль в религии литовцев играл Крива – божество Луны. Славяне тоже поклонялись Криве, но культ его был менее распространен.

Общими в пантеоне богов были богиня любви Милда (у славян – Милка) и скотский бог Велияс (у славян – Велес). А вот бог пчеловодов Рагутис у славян не встречался.

Конфликты Руси с литовцами отмечены в русских летописях еще во времена Владимира Святого. Но при этом летописцы лишь фиксировали факт набега литовцев или поход на них русского князя, не приводя никаких деталей.

Литовцы же вообще не имели своей письменности. В XIII веке переписку литовских князей с немцами и поляками вели на латыни немцы (пленные или католические миссионеры). В начале XIV века государственным языком Великого княжества Литовского становится русский, и вся документация ведется по-русски кириллицей, и лишь в конце XVI века появляется собственно литовская письменность, то есть, литовские слова, написанные латиницей.

На русские земли нападали как литовские князья, так и небольшие группы латрункулей, то есть профессиональных разбойников. Русские князья действовали достаточно пассивно и походы в Литву совершали в основном для того, чтобы вернуть награбленное. Впрочем, не исключено, что ряд пограничных литовских племен платили дань русским.

В начале XIII века крестоносцы предприняли первые походы против Литвы. Столкновения с крестоносцами приносили литовцам иногда и выгоду – они улучшали свое вооружение и изменяли тактику боя. Произошло укрупнение племенных образований и возникло

несколько межплеменных союзов. Тем не менее, в летописях с 1240 по 1292 год упоминается 33 имени литовских князей, принадлежавших к девяти поколениям.

Позже, в XV веке, в литовских летописях появляются сведения, что литовские князья произошли от Палеймона, родного брата... римского императора Нерона. Сей мифический брат отправился из Рима на север, там родил трех сыновей Барка, Куноса и Спера, и вот от Куноса де и пошли литовские князья. Понятно, что иных сведений о существовании «римлянина» Палеймона, нет. Есть и куда более реальная версия о происхождении, по крайней мере, части литовских князей от сыновей полоцкого князя Ростислава Роголодовича²⁰. Существует еще много легенд, но от пересказа их я воздержусь, дабы не утомлять читателя. Однако ничего достоверного о происхождении литовских князей сказать нельзя. В 20-х годах XIII века на русские княжества нападают уже значительные силы литовцев. Вот, к примеру, запись в летописи за 1229 год: Литва «опустошила страну по озеру Селигеру и реке Поле, новгородцы погнались за ними, настигли, били и отняли весь полон». В 1234 г. «литовцы явились внезапно перед Русою и захватили посад до самого торгу. Но жители и засада [гарнизон – А.Ш.] успели вооружиться: огнищане и гридьба, купцы и гости ударили на литву, выгнали ее из посада и продолжали бой на поле. Литовцы отступили. Князь Ярослав, узнавши об этом, двинулся на врагов с конницею и пехотою, которая ехала в насадах по реке Ловати. Но у Муравьины князь должен был отпустить пехоту назад, потому что у ней не достало хлеба, а сам продолжал путь с одною конницею. В Торопецкой волости на Дубровне встретил он литовцев и разбил их. Побежденные потеряли 300 лошадей, весь товар [добычу – А.Ш.] и побежали в лес, побросавши оружие, щиты, совни, а некоторые тут и костью пали». Новгородцы в этом бою потеряли 10 человек убитыми.

Летом 1235 г. у Могильного местечка при впадении реки Дитвы в Неман²¹ произошла битва литовцев с объединенными силами мелких западных русских князей – Дмитрия князя Друцкого, Льва Даниловича князя Волынского и Святослава Всеволодовича князя Стародубского. В ходе битвы литовский князь Рингольд наголову разгромил русских.

Допекла Литва и псковичей. В конце концов, их терпение лопнуло, и они отправили отряд на помощь крестоносцам, шедшим на Литву. Немецко-русскому войску удалось разгромить ряд районов Литвы, но на обратном пути у Сауле²² они попали в засаду, организованную тем же Рингольдом. В битве на стороне литовцев участвовали и земгалы – племя, жившее на территории современной Южной Литвы. Разгром был полный. Погиб гроссмейстер ордена Меченосцев Фольквин фон Винтерштеттен, граф Данненберг, барон фон Газельдорп и еще 48 знатных рыцарей. Согласно псковской летописи, домой вернулся лишь каждый десятый русский воин.

После нашествия Батыя литовцы осмелели и стали чаще вторгаться на территорию русских княжеств. Но, увы, это не всегда им сходило с рук. Так, в 1245 г. 10 тысяч литовцев появились около Торжка и Бежецка. В Торжке в это время сидел князь Ярослав Владимирович, возвратившийся после заключения мира из Ливонии. Он погнался было за литовцами, но потерпел поражение, потерял всех лошадей. Но вскоре на подмогу Ярославу Владимировичу подошла дружина из Москвы, возглавляемая молодым (17–20-летним) князем Михаилом Хоробритом²³. Михаилу удалось догнать литовцев под Торопцом. Литовцы были разбиты, а уцелевшие заперлись в городе. Но на следующее утро подошел Александр Невский

²⁰ Ростислав Роголодович – сын хорошо известного по летописям князя Роголода Всеславича, правившего Полоцком в XII в.

²¹ Сейчас это село Гончары Гродненской области.

²² Возможно, это современный г. Шауляй, но историки называют еще два места, где могла быть битва.

²³ Михаил Хоробрит (Храбрый) – третий сын великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича.

с новгородской дружиной, совместными усилиями они взяли Торопец, отняли у литовцев весь полон, и при этом были перебиты более восьми литовских князей.

Через несколько дней после взятия Торопца Александр Ярославич получил весть о появлении нового отряда литовцев. Он отпустил новгородские полки домой, а сам с ближней дружиной (двором, как сказано в летописи) погнался за литовцами, нагнал и перебил всех без пощады у озера Жизца. Затем князь отправился в Витебск, забрал там своего сына и направился домой, в Новгород. Но по дороге, недалеко от Усвята, Александр Ярославич опять наткнулся на литовцев и разбил их.

На следующий, 1246-й год, литовцы решили попытать счастья на юге. Но, возвращаясь с набега на окрестности Пересопницы, они были настигнуты у Пинска Даниилом и Васильком Романовичами и наголову разбиты. В 1247 г. Романовичи вновь разбили литовцев.

В 1246 г. в Орде умер великий князь владимирский Ярослав Всеволодович. Его старшие сыновья Александр Невский и Андрей в это время также находятся в Орде, и владимирский престол перешел к их дяде Святославу Всеволодовичу. Михаил Хоробрит нарушил обычай и согнал дядю с престола. Но покняжить ему удалось совсем недолго. В 1248 г. на Владимирскую Русь двинулось 30-тысячное литовское войско. Навстречу с небольшой дружиной вышел Хоробрит. Битва произошла на реке Протве близ Можайска. Михаил ворвался в ряды литовцев и погиб. Дружина его растерялась и отступила. Но и литовцы понесли большие потери и отошли. Епископ Кирилл, бывший тогда во Владимире, приказал найти тело князя, и торжественное погребение его состоялось во владимирском Успенском соборе. Михаил Ярославич Хоробрит был не только первым московским князем, но и первым русским святым, погибшим от рук литовцев и поляков.

Писать о западных и южных русских княжествах второй половины XIII – начала XIV веков очень трудно. По разным причинам, в первую очередь по идеологическим, царские и советские историки традиционно обходили их стороной. К тому же, осталось крайне мало письменных источников, да и те зачастую противоречат друг другу. Естественно, что у автора возникает желание додумать историю, экстраполировать события, но я предпочитаю этого не делать, а, в крайнем случае, оставить читателю додумывать самому.

Рассмотрим русские княжества с севера на юг. Начну с того, что ни Полоцкое княжество, ни города Черной Руси (Гродно, Новгородок (Новогрудок) и др.) не подвергались татарскому нашествию. Однако его косвенные последствия серьезно сказались на политической жизни этих княжеств и уделов²⁴.

Татарское нашествие в значительной степени оборвало связи Западной и Южной Руси с Владимиро-Суздальской землей. До него на Руси существовало так называемое горизонтальное право наследования, когда старшему брату наследовал следующий по старшинству брат, а не сын. Поясню на примере. Допустим, в Киеве правил старший брат Петр, в Смоленске – средний брат Иван, а в Вязьме – младший брат Федор. После смерти Петра Иван переезжал в Киев и становился там старшим князем. Федор ехал в Смоленск, а Вязьму получал старший сын Петра Александр. Умер Иван, и начались новые передвижки. Поэтому, читая биографические сведения о каком-либо русском князе XII–XIV веков, не следует удивляться, что он за свою жизнь поменял два, три, а то и четыре престола.

Но после 1240 г. наиболее знатные (из старинных родов) русские князья Рюриковичи потеряли интерес к престолам Западной и Южной Руси, а интересовались исключительно делами Владимиро-Суздальской Руси, а также Господином Великим Новгородом. Интерес

²⁴ Здесь и далее под княжествами я буду подразумевать большие территориальные объединения типа современной области, а под уделами – малое княжество площадью с современный район, князь которого подчинялся князю княжества (извиняюсь за тавтологию, но иначе не получается).

к последнему вполне понятен – каждый князь пытался как можно больше урвать от новгородской казны.

В итоге в княжествах Западной и Южной Руси частично установилась вертикальная система передачи власти от отца к сыну. А из ряда княжеств Рюриковичи просто убежали, и их место пытались занять малозначительные князья, не имевшие хорошей дружины и не пользовавшиеся авторитетом у населения.

Тут следует сделать маленькое отступление. За три века правления князей Рюриковичей население привыкло, что только они и могут править Русью. Во многих городах, как, например, в Киеве, Полоцке, Минске и др. продолжало играть определенную роль и народное собрание – вече. Однако вече могло решить какие-то важные вопросы, даже сместить князя, но править оно не могло и приглашало нового князя.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ



Исключение из этого правила представляли лишь Новгород и Псков, которых многие историки называли городами-республиками. Там управление городом и землями находилось в руках вече и выборных людей – посадников, частично деливших их с церковной властью. Князья же в Новгороде и Пскове обычно приглашались вечем, но иногда им силой удавалось навязать свои услуги. Функции князей сводились к защите города и страны от внешнего врага, иногда – к ведению внешней политики, но всегда при участии посадников и церкви. Князьями же, повторяю, были только чистокровные Рюриковичи (по отцовской линии, разумеется). Князь Рюрикovich мог быть женат на дочери половецкого или татарского хана и на боярской дочери. Но в последнем случае статус боярина никак не менялся, и при отсутствии

наследников боярин (тесть или шурин князя) никогда не мог претендовать на престол. Князья Рюриковичи за всю 750-летнюю историю своего правления на Руси не произвели в князья ни одного безродного родственника по женской линии. (Исключение – Борис Годунов, и то после смерти последнего Рюриковича на московском престоле.)

Взойти на княжеский престол половецкий или татарский хан – родственник по женской линии – не мог по религиозным соображениям. А вот православный литовский князь приравнялся боярством и вечем русских городов к князю Рюриковичу.

С середины XIII века до конца XIV века Рюриковичи выдали замуж за православных литовских князей 16 княжон, и, в свою очередь, женились на 15 литовках.

Характерный пример – Витебское княжество. Там с XII века княжили потомки Всеслава Брючиславича Полоцкого. В первой половине XIII века Витебская земля стала подвергаться нападениям литовцев (1235 г., 1263 г. и т. д.). В 1281–1297 гг. Витебск опять попал в зависимость от смоленских князей. Последним удельным витебским князем был Ярослав Васильевич, дочь которого Марию выдали замуж за литовского князя Ольгерда. В 1320 г. Ярослав Васильевич умер, не оставив мужского потомства, и Ольгерд на правах зятя занял Витебское княжество.

Непросто сложилась судьба города Бреста, впервые упомянутого в летописи под 1019 годом. Согласно хронике Быховца Брест был захвачен литовским князем Монгвилом в 50-х годах XIII века. На самом же деле город с конца XIII века несколько раз переходил из рук в руки. В 1282 г. брестскому воеводе Титу удалось отбить нападение мазовецких князей. В 1334 г. Брест захватили рыцари Тевтонского ордена, а через год город занял литовский князь Кейстут Гедиминович. Наконец, в 1348 г. всю Брестскую землю заняли поляки. Однако в 1366 г. Кейстут вернул себе Брест.

В августе 1379 г. немецкие рыцари во главе с Т. Эльнером, комтуром из Бальги, ограбили и сожгли город, но замка взять не смогли. В период борьбы между польским королем Ягайло и князем Витовтом Брестский замок зимой 1390 г. осаждало королевское войско. После 10 дней обороны защитники замка сдались.

В том же году первым из белорусских городов Брест получил Магдебургское право²⁵ и к середине XV века превратился в один из крупнейших торговых центров, который польский историк Ян Длугош назвал «пристанью и воротами в литовские и русские земли».

²⁵ Магдебургское право – одна из наиболее известных систем городского права, сложилось в XIII в. в немецком г. Магдебург. Юридически закрепило права и свободы горожан, их право самоуправления.

Глава 4

Галицкое королевство

Особое место в нашей истории занимают отношения Литвы и Польши с Галицкой землей, в которой с 1238 г. окончательно утвердился князь Даниил Романович.

Уже известный нам молодой князь Даниил Романович начало 20-х годов XIII века встретил в небольшом, но сильно укрепленном городе Каменец, а к 1229 г. перебрался в Угровск. Здесь его и нашел посланец из Галича с просьбой галичан: «Ступай скорее к нам: Судислав ушел в Понизье, а королевич один остался в Галиче». Даниил немедленно с небольшой дружиной пошел на Галич, а своего тысяцкого Дамьяна послал на Судислава.

На третьи сутки в ночь подошел Даниил к Галичу и встал напротив города на другом берегу скованного льдом Днестра. Галичане и венгры несколько раз предпринимали вылазки и бились на льду с дружинниками Даниила. Но к вечеру потеплело, лед поднялся, и река наводнилась. А боярин Семьонко (летописец даже сравнивает его по цвету лица с лисицей), лютый враг Даниила, зажег мост. В это время к Даниилу подошел Дамьян с перешедшими на их сторону галицкими боярами. Таким образом, у Романовича собралась уже довольно значительная рать. К счастью, подожженный мост через Днестр погас прежде, чем развалиться, и через него, хоть и с риском, но можно было переправиться.

На следующее утро даниилово войско перешло Днестр и окружило Галич. Осажденные вскоре сдали город, а королевича Коломана взял в плен сам Даниил. Но молодой князь уже был не только смелым воином, но и здравомыслящим политиком. Он решил не ссориться с венгерским королем и попросту отослал королевича к отцу.

Тем не менее, Андрей II пришел в ярость, собрал войско и объявил поход. «Не станет в Галиче камень на камень, – говорил он, – никто уже теперь не избавит его от моей руки». Но как только венгерское войско достигло Карпат, начались проливные дожди, лошади тонули, люди спасались на высоких местах. Король упорно вел войско дальше, дошел до Галича и осадил его. Для защиты города Даниил оставил небольшую дружину под командованием Дамьяна. Воевода не сдавал города, а король вскоре был вынужден снять осаду и увести свое войско, потому что страшный недуг поразил его людей: «кожа падала у венгров с ног, как обувь». Галичане нападали на отставших, убивали и брали в плен, а еще больше венгров умерло по дороге от этой жуткой болезни.

Венгры не унялись и попытались взять реванш в 1232 г. Однако кампании 1232 и 1233 годов были выиграны Даниилом.

Между тем в Польше Владислав Ласконогий, уступив Краков Лешко Казимировичу, тихо жил в своем уделе. Однако вскоре на него напал племянник Владислав, сын Оттона, в русских летописях он фигурирует как Одонич. Вскоре эта усобица охватила всю Польшу. В 1227 г. Владислав Одонич нанес страшное поражение Ласконогому и занял почти все его владения. Тогда на помощь Ласконогому пришли князья Лешко Краковский, его брат Конрад Мазовецкий и Генрих Бреславский. Сторону Одонича принял его зять (брат жены) князь Святополк Поморский. Их объединенное войско неожиданно напало на князей – сторонников Ласконогого, в этом бою был убит Лешко Казимирович – номинальный правитель Польши.

Тогда брат Лешко Конрад призвал на помощь русских князей Даниила и Василька Романовичей – старых союзников покойного Лешко. Русские полки вместе с поляками осадили город Калиш. Даниил хотел взять город, но поляки отказались идти на штурм, несмотря на то, что Конрад, «любя русский бой», приказывал им идти вместе с Русью. Осажденные же, видя приготовления русских к приступу, послали к Конраду двоих послов для переговоров.

Один из посланников, Пакослав, предложил Даниилу переодеться в его одежду и поехать с ним в Калиш для переговоров. Даниил сперва отказался, но брат Василько уговорил его: «Ступай, послушай их вече», поскольку один из посланников, Мстиуй, не вызывал доверия у Конрада.

Даниил, одев шлем Пакослава, поехал в Калиш и, встав там позади послов, слушал, что просят осажденные передать Конраду: «Скажите вот что великому князю Конраду, этот город не твой ли, и мы разве чужие, ваши же братья, что ж над нами не сжалитесь? Если нас Русь пленит, то какую славу Конрад получит? Если русская хоругвь станет на забралах, то кому честь доставишь? Не Романовичам ли одним? А свою честь унизишь! Нынче брату твоему служим, а завтра будем твои, не дай славы Руси, не погуби нашего города». Пакослав отвечал на это: «Конрад-то бы и рад вас помиловать, да Даниил очень лют, не хочет отойти прочь, не взявши города. Да вот он и сам стоит, поговорите с ним», – прибавил он, смеясь, и указывая на Даниила. Князь снял шлем, а калишане закричали ему: «Смилуйся, помирись». Романович от души посмеялся и хорошо поговорил с горожанами, потом взял двоих человек, привел их к Конраду и тот заключил с ними мир.

В этом походе русские захватили в полон много челяди и знатных боярынь. Но тут между Русью и Польшей был заключен договор, что если впредь случится между ними война, то полякам не пленять русской челяди, а русским – польской.

Князья Даниил и Василько Романовичи возвратились домой с честью и славой: как говорил русский летописец, ни один русский князь не входил так далеко в землю Польскую, кроме Владимира Великого, который землю крестил.

В ходе этой усобицы князь Конрад Мазовецкий совершил величайшую ошибку, за которую позже веками станут расплачиваться русский и польский народы. Он пригласил на территорию Польши рыцарей Тевтонского ордена. Наивный князь думал, что немцы защитят от набегов язычников – пруссов и литовцев.

В 1225 г. послы Конрада предложили магистру Тевтонского ордена Герману фон Зальцу Хельмскую (Кульмскую) землю в обмен на обязательство защищать польский народ от набегов язычников. В 1226 г. германский император Фридрих II предоставил Ордену владение Кульмской землей и всеми землями, которые он впредь завоюет у пруссов, но в виде императорского лена, без всякой зависимости от мазовецких князей. В 1228 г. в новые владения Ордена с большим отрядом рыцарей прибыл первый областной магистр Пруссии Герман Балк. В 1230 г. последовало окончательное утверждение всех условий с Конрадом, и Орден начал свою деятельность на новых землях.

О непосредственных столкновениях новых германских завоевателей с Русью до нас дошел лишь смутный рассказ летописца, датированный 1235 годом. По его словам Даниил сказал: «Не годится держать нашу отчину крестовым рыцарям», и пошел с братом на них в силе тяжкой, взял город, захватил в плен старшину Бруно, ратников и возвратился во Владимир».

На Руси же продолжались усобицы за обладание Галицким княжеством. Опуская подробности, скажу лишь, что на короткое время Галич захватил Михаил Черниговский, но в 1238 г. он был выбит оттуда Даниилом Романовичем.

Батыево нашествие выходит за рамки нашего исследования. Здесь же стоит отметить лишь два нюанса. Во-первых, ни польские, ни венгерские власти не ответили на просьбы русских князей о помощи.



Конрад Мазовецкий

Во-вторых, основные силы татар Батый двинул на Венгрию, а не на Польшу. В Польшу же вторгся конный отряд численностью от 8 до 10 тысяч под командованием темника Байдара. 10 марта 1241 г. Байдар переправился через Вислу у Сандомира, оттуда он отправил отряд под командованием Кайду для опустошения края в направлении Ленчицы с последующим выходом к Кракову. Сам Байдар предпринял глубокий рейд до окрестностей Кельц.

Прикрывая путь на Краков, польские краковские войска воеводы Владимежа и сандомирские воеводы Пакослава пытались остановить татар, но 18 марта под Хмельником были разбиты. Сам воевода Владимеж был убит, а войска бежали. Краковский и сандомирский князь Болеслав Стыдливый с матерью, русской княжной Гремиславой Ингваревной, и другими домочадцами бежал из столицы в Венгрию.

28 марта 1241 г. татары штурмом взяли Краков. Далее Байдар двинулся к Вроцлаву. Под Вроцлавом поляки собрали большие силы под командованием князя Генриха Благочестивого. На помощь к ним прибыли немецкие рыцари и французские тамплиеры.

9 апреля соединенные войска сразились с татарами у Легницы и были наголову разбиты. В письме аббата бенедиктинского монастыря Мариенбурга в Вене от 4 января 1242 г. говорится о более сорока тысячах павших. Великий магистр Понсе д'Обона писал французскому королю Людовику IX, что тамплиеры потеряли под Легницей пятьсот человек. Погиб и сам князь Генрих, а татары надели на копье его отрубленную голову.

Батый, в это время находившийся с главными силами в Венгрии, приказал войску Байдара отрезать чешские войска, бывшие к северу от Дуная. Байдар 16 апреля отошел от Рацибужа и направился в Моравию.

Замечу, что галицкий князь Даниил Романович со своим сыном Львом еще до взятия Киева Батыем поехал в Венгрию, но был плохо принят королем, который отказался выдать свою дочь за сына Даниила. Даниил выехал из Венгрии, но повстречал толпы народа, бегущего от татар, и вынужден был вернуться. Вскоре Даниил получил известие, что его брат, жена и дети успели убежать от Батыя в Польшу. Тогда князь направился туда же, по дороге повстречал свое семейство, и все вместе они поехали к сыну Конрада Болеславу. Тот дал на время Даниилу город Вышгород, и галицкий князь с семейством пробыл там до тех пор, пока татары не ушли.

То обстоятельство, что Даниил уехал из Галича только с одним сыном, оставив всю остальную семью дома, свидетельствует, что он не бежал от татар, а действительно ездил в Венгрию для сватовства и заключения союза с королем против татар.

В апреле 1245 г. римский папа Иннокентий IV отправил к татарам специальную дипломатическую миссию во главе с одним из основателей ордена Францисканцев Плано Карпини. Он должен был вручить папскую бумагу великому монгольскому хану, а заодно вступить в контакт с южнорусскими князьями. В начале 1246 г. Карпини побывал во Владимире Волынском, где беседовал с братом Даниила Васильком Романовичем, сам же Даниил в это время ездил к Батыю. По пути в Орду, между Днепром и Доном, Карпини встретился с Даниилом и рассказал ему о желании Рима вступить с ним в переговоры. Даниил согласился, поскольку поверил обещанию Иннокентия IV поддержать его в борьбе с татарами.

Замечу, что Иннокентий IV параллельно пытался завести переговоры и с северными русскими князьями. Ведь именно в 1250 г. в Новгород к Александру Невскому прибыло чрезвычайное посольство от римского папы. Причем, папское послание было датировано 8 февраля 1248 г. Александр, как известно, заявил папским послам Гольду и Гементу: «От вас учения не принимаем».

Даниил, напротив, пошел на переговоры, руководствуясь интересами Галицкой Руси и, разумеется, своими собственными. Иннокентий IV отправил доминиканского монаха Алексея с товарищами для постоянного пребывания при дворе Даниила, поручил архиепископу прусскому и эстонскому легатство на Руси, позволил русскому духовенству совершать службу на закованных просвирах, признал законным брак брата Даниила Василька на своей родственнице, уступил требованию Даниила, чтобы никто из крестоносцев и других духовных лиц не мог приобретать имений в русских областях без позволения князя.

Даниилу в первую очередь от папы нужна была помощь против татар. Но время крестовых походов прошло. Да и в XI–XII веках крестовые походы организовывались с целью

пограбить богатые восточные страны, а попутно и Константинополь. Сражаться же за идею, да еще со страшными монголами, никто не хотел. Для порядка папа отправил в 1253–1254 гг. несколько булл к христианам Богемии, Моравии, Сербии, Померании, Ливонии и др. с призывом устроить крестовый поход против монголов. Но на его призыв так никто и не откликнулся.

Тогда вместо помощи против татар Иннокентий IV предложил Даниилу королевский титул в награду за соединение с римской церковью. Но галицкого князя не прельстила корона. «Рать татарская не перестает: как я могу принять венец, прежде чем ты подать мне помощь?», – велел ответить он папе.

В 1253 г. во время пребывания Даниила в Кракове у князя Болеслава, туда прибыли папские послы с короной и пожелали встретиться с галицким князем. Даниил отделался от них, велел передать, что не годится ему встречаться с папскими послами на чужой земле. На следующий год послы опять явились с короной и обещанием помощи. Даниил, не веря в обещания, опять хотел отказаться от королевского титула, но мать и польские князья уговорили его: «Прими только венец, а мы уже будем помогать тебе на поганых». Римский папа даже отправил специальное послание Даниилу, в котором проклинал тех, которые ругали православную греческую веру, и обещал созвать собор для обсуждения вопроса о соединении церквей.

Дело кончилось тем, что князь Даниил короновался в начале 1254 г.²⁶ в Дорогичине (Дрогичине). В этом небольшом городке у западной границы Галицкого княжества Даниил оказался во время похода на ятвягов. Видимо, у него были какие-то веские основания поспешить с коронацией. Получив корону, Даниил забыл обо всех обещаниях, сделанных римскому папе (к этому времени на папском престоле уже сидел Александр IV), и не обращал внимания на его укоры и увещевания.

В Риме рассердились, и в 1255 г. папа Александр IV разрешил буллой литовскому князю Миндовгу грабить Галицкую и Волынскую земли. В 1257 г. римский папа пригрозил Даниилу за непослушание крестовым походом на Галицко-Волынскую Русь. Но и Даниил, и Александр IV прекрасно понимали, что это пустые угрозы.

Таким образом, никаких материальных выгод сношения с Римом Даниилу Романовичу не дали, но впредь и он, и его потомки именовались королями.

А теперь вернемся к отношению Руси с Литвой. В 40-х годах XIII века среди множества литовских князей выдвинулся умный, смелый и жестокий князь Миндовг. В 1252 г. он отправил своего дядю Выкынта и двоих племянников Товтивила и Едивида на Смоленск, сказав им: «Что кто возьмет, тот пусть и держит при себе». На самом же деле Миндовг отправил родственников в этот поход, чтобы в их отсутствие захватить принадлежавшие им земли. Миндовг послал вслед за родственниками войско, чтобы нагнать их и убить. Но князей кто-то предупредил, и они попросили защиты у своего родственника Даниила Романовича, женатого на сестре Товтивила и Едивида.

Миндовг отправил послов к Даниилу с требованием выдать беглецов. Но Даниил категорически отказался не столько из родственных чувств, сколько из желания вмешаться в литовские дела. Посоветовавшись с братом Василько, он послал сказать польским князьям: «Время теперь христианам идти на поганых, потому что у них встали усобицы». Поляки на словах пообещали Даниилу союзничество, но войск не дали. Тогда Романовичи стали искать других союзников для борьбы с Миндовгом и отправили князя Выкынта в Жмудь к ятвягам и в Ригу к немцам. Выкынту удалось за хорошую плату уговорить ятвягов подняться на Миндовга, немцы также пообещали помощь и велели сказать Даниилу: «Для тебя помирились мы с Выкынтом, хотя он погубил много нашей братии».

²⁶ По другим источникам это произошло в конце 1253 г.

Братья Романовичи, посчитав собранные силы достаточными, выступили в поход. Даниил послал Василька на Волковыск, своего сына – на Слоним, а сам пошел к Здитову. Поход был успешным, и русские полки с богатой добычей и полоном возвратились домой.

Затем галицко-полоцкое войско под началом Товтивила вторглось в удел Миндовга. С другой стороны Миндовга должны были атаковать немцы, но Орден не торопился, и Товтивилу пришлось лично приехать в Ригу, принять христианство, и только тогда рыцари начали готовиться к войне.

Миндовг сообразил, что войну на два фронта, с Даниилом и с Орденом, он не осилит. Тогда он тайно послал к магистру Ордена Андрею фон Штукланду богатые дары и велел передать: «Если убьешь или выгонишь Товтивила, то еще больше получишь». Магистр дары принял, но передал Миндовгу, что, несмотря на свое расположение к нему, Орден не может оказать ему помощь, пока тот не примет христианства. Миндовг, не долго думая, крестился. Папа римский Иннокентий IV был в восторге. Он принял литовского князя под покровительство святого Петра, отписал ливонскому епископу, чтобы никто не смел оскорблять новообращенного, поручил кульмскому епископу венчать Миндовга королевским венцом, писал об установлении соборной церкви в Литве и епископства. И действительно, кульмский епископ возложил королевскую корону на голову Миндовга.

Но Миндовг принял христианство только для вида, надеясь при первом же удобном случае возвратиться в прежнюю веру. В летописи говорится: «Крещение его было льстиво, потому что втайне он не переставал приносить жертвы своим прежним богам, сожигал мертвецов; а если когда выедет на охоту, и заяц перебежит дорогу, то уж ни за что не пойдет в лес, не посмеет и ветки сломить там».

Как бы то ни было, но Миндовг сделал Орден из врага союзником, и теперь уже князь Товтивил вынужден был бежать из Риги. Прибыв в Жмудь к своему дяде Выкынту, он собрал войско из ятвягов, жмуди и русского отряда, присланного Даниилом, и выступил против Миндовга, на помощь которому подошли немцы. В 1252 г. эта война не ознаменовалась никакими решительными действиями. На следующий год вмешался князь Даниил, он опустошил Новогрудскую область, а Василько с племянником Романом Данииловичем взяли Городен.

Но в конце 1255 г. Миндовг и Даниил заключают мир. Посредником и миротворцем стал сын Миндовга Воишелк. Личность эта была весьма одиозная, поэтому не грех и сказать о нем пару слов. Наивный рассказ летописца наводит ужас: «Воишелк стал княжить в Новгороде [Новогрудке], будучи в поганстве, и начал проливать крови много: убивал всякий день по три, по четыре человека. В который день не убивал никого, был печален, а как убьет кого, так и развеселится». Вдруг пронеслась весть, что Воишелк – христианин. Мало того, он оставляет княжеский престол и постригается в монахи под именем Давида.

Вот этот-то раскаявшийся Воишелк и явился к королю Даниилу, чтобы быть посредником между ним и своим отцом Миндовгом. Условия были предложены крайне выгодные: младший сын Даниила Шварн получал руку дочери Миндовга, а старший, Роман, получал Новогрудок, Слоним, Волковыск и другие города, хотя и с обязательством признавать над собой власть Миндовга. Даниил не мог не согласиться, и мир был заключен. Воишелк хотел пробраться в Афонский монастырь, и Даниил выхлопотал для него свободный путь через Венгрию. Но смуты и волнения, охватившие тогда весь Балканский полуостров, заставили Воишелка возвратиться назад из Болгарии. Впоследствии на реке Неман между Литвой и Новогрудком он основал свой монастырь.

Таким образом, южным русским князьям Мономаховичам удалось снова утвердиться в волостях, занятых было литовскими князьями. В середине XIII века полоцкие князья Изяславичи уступили свои волости Литве. Последним полоцким князем был Брючислав, его имя встречается в русской летописи в 1239 г. по случаю брака его дочери и князя Александра

Невского. А в 1262 г. в летописи уже фигурирует полоцкий князь литвин Товтивил – сын сестры Миндовга.

Однако мир между Даниилом и Миндовгом просуществовал только пять лет. В 1260 г. Воишелк и Товтивил за что-то схватили молодого князя Романа Данииловича. На вырубку ему в Литву вторглись король Даниил и его брат Василько. Чем кончилось дело, как освободили Романа – неизвестно. Известно только, что в 1262 г. Миндовг, желая отомстить Васильку, который вместе с татарами нападал на его земли, послал на Волынь две рати. Пограбив вволю, литовские воины с богатой добычей двинулись в обратный путь. Одна рать остановилась у озера вблизи города Небл, тут-то их и нагнал Василько. По словам летописца, русские дружинники не оставили в живых ни одного человека – одних порубили мечами, других загнали в озеро, где те и потонули.

В 1261 г. король Миндовг в очередной раз поссорился с Орденом. Для начала он приказал схватить всех христиан в Литве, причем, часть их при этом была убита. Видимо, пострадали только католики, поскольку православных немецкие хронисты не считали христианами. В том же году Миндовг вступил в союз с Александром Невским, которого немецкие хронисты величали королем. Однако по ряду причин совместного удара по Ордену не получилось. Русские и литовцы действовали порознь и в разное время. Тем не менее, литовцы осадили Венден. А русские под командованием князя Дмитрия, сына Александра Невского, сожгли орденский город Дорпат (он же Дерпт, бывший русский город Юрьев), но не смогли взять замок.

В 1262 г. произошло вроде бы незначительное событие, чуть было не перевернувшее историю Литвы, России и Польши, – у великого князя литовского Миндовга умерла жена. Миндовг согласно языческим обычаям решил жениться на ее родной сестре, несмотря на то, что она была уже замужем за нальщанским князем Довмонтом. Миндовг послал сказать ей: «Сестра твоя умерла, приезжай сюда плакаться по ней». Когда та приехала, Миндовг сказал ей: «Сестра твоя, умирая, велела мне жениться на тебе, чтоб другая детей ее не мучила», – и женился на свояченице.

Довмонт сильно обиделся, но для виду покорился своему сюзеру. Он вступил в сговор с племянником Миндовга от его сестры жмудским князем Тренятой. В 1263 г. Миндовг отправил войско за Днепр на брянского князя Романа Михайловича. В одну прекрасную ночь Довмонт объявил войску, что волхвы предсказали несчастья, и с преданной ему дружиной покинул рать. Внезапно люди Довмонта ворвались в замок Миндовга и убили князя вместе с двумя его сыновьями.

Тренята по уговору с Довмонтом стал княжить в Литве вместо Миндовга, оставив за собой и жмудскую вотчину. Он послал сказать своему брату полоцкому князю Товтивилу: «Приезжай сюда, разделим землю и все имение Миндовгово». Но, деля Миндовгово добро, братья рассорились, да так, что оба думали, как бы убить друг друга. Боярин Товтивила Прококий Полочанин донес Треняте о замыслах своего князя, тот опередил брата, убил его и стал княжить один. Но княжить Треняте пришлось недолго. Четверо конюших Миндовга решили отомстить убийце своего князя и убили Треняту, когда тот шел в баню.

О смерти Миндовга Давид-Воишелк узнал в монастыре на Святой горе. Он испугался и бежал из Литвы в Пинск, а оттуда обратился за помощью к Шварну Данииловичу – мужу своей сестры. Объединенная русско-литовская дружина изгоняет Довмонта и его сторонников из Литвы.

При этом стоит отметить две любопытные детали. В битве с войсками Шварна и Воишелка погиб дравшийся на стороне Довмонта безудельный рязанский князь Евстафий Константинович. А сам Довмонт бежал вместе с остатками своей дружины в Псков. Там Довмонт крестился и получил православное имя Тимофей. Вскоре Довмонт стал грозой

ливонских немцев и любимцем псковичей. Последний раз он разгромил рыцарей в 1298 г., а в следующем году умер.

После смерти Тимофей-Довмонт был причислен псковичами к лику святых. В его житии сказано: «Страшен ратоборец быв, на мнозех бранях мужество свое показав и добрый нрав. И всякими добротами украшен, бяше же уветлив и церкви украшая и попы и нищия любя и на вся праздники попы и черноризцы кормя и милостыню дая».

После изгнания Довмонта власть в Литве перешла к Воишелку, причем Шварн вместе с дружиной по-прежнему остается в Литве. Воишелк вновь прославился жестокими расправами над своими противниками. Приступы жестокости и даже садизма часто сменялись у него религиозным экстазом. В 1264 г. умер король Даниил. Королем стал его сын Лев, который управлял княжеством («королевствовал») совместно с братьями Мстиславом и Шварном (Роман, видимо, к тому времени уже умер), а дядя их Василько по-прежнему княжил на Волыни.

В Литве же сложилась любопытная ситуация. Воишелк в 1268 г. вновь вспомнил, что он монах Давид и поселился в угровском Даниловом монастыре, а всю власть в своих владениях отдал зятю Шварну. Тот, опасаясь, видимо, возобновления внутренних волнений в Литве, просил Воишелка покняжить еще совместно, но тот решительно отказался: «Много согрешил я перед богом и перед людьми. Ты княжи, а земля тебе безопасна». Живя в угровском монастыре, Воишелк говорил: «Вот здесь подле меня сын мой Шварн, а там господин мой отец князь Василько, буду ими утешаться». Но утешаться монаху Давиду пришлось всего год: в 1269 г. Шварн умер. Детей у него не осталось, и литовские вельможи срочно вызвали Воишелка-Давида из монастыря. Князь победил монаха, и Воишелк вновь стал княжить в Литве, да еще так, что ухитрился поссориться с братом Шварна королем Львом Даниловичем.

Дело шло к войне, но тут вмешался старый Василько Романович, князь волынский, и пригласил обоих к себе для примирения. Воишелк и Лев приехали к Василько во Владимир Волынский, где старый советник князя Даниила немец Маркольд, позвал всех троих князей к себе на обед. За обедом князья примирились, повеселились от души, хорошо поели и изрядно выпили. К ночи старый князь Василько поехал к себе домой, а Воишелк – в Михайловский монастырь, где он остановился. Но дело этим не кончилось. Среди ночи к Воишелку приехал Лев и предложил продолжить веселье: «Кум! Попьем-ка еще!» Попили еще, рассорились, дошло до драки, и Лев убил Воишелка.

После этого Лев предложил себя в кандидаты на литовский престол. Однако там о нем и слышать не хотели. Вскоре литовские вельможи выбрали себе князя из этнических литовцев. Так провалилась первая попытка мирного объединения Литвы с Русью.

В 1279 г. умер бездетный Болеслав V Стыдливый (1226–1279 гг.) – князь краковский, и в Польше началась очередная усобица. Болеславу наследовал старший из двоюродных племянников Лешко Черный, князь мазовецкий и сераджский, сын Казимира Конрадовича, и краковская шляхта утвердила его на княжение (годы правления 1279–1288).

Король Лев Данилович не уgomонился после неудачи в Литве и решил предложить свою кандидатуру на краковский престол, но, по выражению летописца, «бояре сильные не дали ему земли». Тогда Лев в порядке компенсации решил завладеть несколькими приграничными польскими городами и стал просить татарского хана Ногая помочь ему войсками. Ногай людей дал, и Лев с татарскими полками и сыном Юрием вступил в польские владения. К нему присоединились родной брат Мстислав, князь Луцкий, и двоюродный брат Владимир Васильевич, князь Волынский. О двух последних летописец говорит, что пошли они «неволей татарскою».

К Кракову Лев шел, по словам летописца, «с гордостью великою, но возвратился с великим бесчестием», поскольку при Гошличе, в двух милях от Сандомира, был разбит поля-

ками наголову. А в 1281 г. Лешко Черный вторгся в Галицкую область, взял город Перевореск (Пршеворск), сжег его, а всех жителей перебил. Другой польский отряд численностью двести человек вошел в волынские земли у Берестья. Поляки разорили с десяток сел и пошли назад. Но жители Берестья во главе с воеводой Титом, всего около семидесяти человек, напали на поляков, убили восемьдесят человек, остальных взяли в плен и возвратили все награбленное.

Затем начались усобицы между князьями мазовецкими – детьми Семовита Конрадом и Болеславом. Конрад обратился за помощью к князю волынскому Владимиру Васильковичу, тот послал сказать: «Скажи брату – бог будет мстителем за твой позор, а я готов тебе на помощь», и стал собирать полки. Послал князь Владимир и к своему племяннику князю холмскому Юрию Юльвовичу, тот ответил: «Дядюшка! С радостью бы пошел и сам с тобою, но некогда: еду в Суздаль жениться, а с собою беру немногих людей: так все мои люди и бояре богу на руку да тебе, когда тебе будет угодно, тогда с ними и ступай».

Владимир Василькович собрал полки и двинулся к Берестью, но прежде послал к Конраду посла. Тот, опасаясь неверных бояр, сказал Конраду: «Брат твой Владимир велел тебе сказать: с радостью бы помог тебе, да нельзя: татары мешают». При этом посол взял князя за руку и крепко пожал ее. Князь догадался, уединился с послом и тогда услышал радостную весть: «Брат велел тебе сказать: приготавлийся сам и лодки приготовь на Висле, рать у тебя будет завтра». На следующий день волынское войско переправилось через Вислу и пошло с Конрадом во владения Болеслава. Полки осадили город Гостинный. Конрад стал подстрекать их на штурм: «Братья мои, милая Русь! Ступайте, бейтесь дружнее!» Часть войска двинулась под стены, а остальные полки остались на месте, на случай внезапного нападения поляков с тыла. Вскоре город был взят, разграблен и сожжен, жители частично перебиты, частично взяты в плен. Волынские полки с победой и великой честью вернулись домой, потеряв всего двух человек, да и то не при штурме Гостинного, а по дороге. Один был родом прусс, а другой – придворный слуга князя Владимира, любимый его сын боярский Рах Михайлович. Когда русские войска шли мимо Сохачева (Сохоцин), то князь Болеслав Семовитович выехал из города, чтобы поймать какой-нибудь небольшой отряд, на все же войско он боялся напасть. Князь Владимир приказал своим воеводам не распускать войска, но тридцать человек отделились и поехали в лес, чтобы ловить челядь, скрывавшуюся от них из окрестных сел. Болеслав напал на отряд, все разбежались, кроме двоих – Раха и прусса. Прусс бросился на самого Болеслава, но тут же был убит, а Рах убил знатного боярина Болеслава, но и сам заплатил жизнью за свой подвиг. По словам летописца, умерли они мужественно и оставили по себе славу будущим векам.

Глава 5

Великая Литва Гедемина и Ольгерда

В 1315 г. власть в Литве захватил князь Гедемин. Происхождение его неизвестно. Согласно позднейшей официальной литовской версии Гедемин, как и Миндовг, происходил от Палемона, брата римского императора Нерона. Мол, этот брат отправился в I веке нашей эры на север и основал там Литовское государство. По русским же летописям и хроникам Тевтонского ордена Гедемин служил конюхом у князя Витенеса (Витеня), а затем вошел в сговор с молодой женой князя, дочерью бортника из Жемайти, убил его и овладел престолом. По Тверской летописи Гедемин служил «слободчиком» у великого князя тверского Александра Михайловича и был послан им на Неман по каким-то делам, но там обогатился и стал называть себя великим князем литовским. Еще по одной версии Гедемин был потомком Давила, сына уже упоминавшегося нами полоцкого князя Ростислава Рогволодовича.



Великий князь литовский Гедемин

Сейчас в Польше получила широкое распространение версия, выдвинутая польским историком Е. Охманьским. Он обратил внимание на текст знаменитой «Задонщины», где упомянуты участники Куликовской битвы Андрей и Дмитрий, «сынови Ольгердови, а внуки есмя Едимантовы, а правнуки есми Сколомендовы...» Поскольку слово правнуки употребляется обычно в русских летописях в смысле потомков вообще, Охманьский предположил, что Сколоменд и был отцом литовского князя Пуковера (Лютовера), а Гедемин и был сыном Пуковера.

В 1320 г. Гедемин предпринял поход на Владимир Волынский, где княжил Владимир, сын Василька Романовича. Город упорно защищался, но после гибели князя Владимира его бояре согласились на капитуляцию. Замечу, что в войске Гедемина этнические литовцы составляли меньшинство, большинство же были русскими – полочане, жители Новогрудка и Гродно. В том же году Гедемин овладел Луцком, а на зиму остановился в Берестье.

После Пасхи 1321 г. Гедемин, собрав литовские, жемайтйские и русские полки, двинулся на Киев, где сидел какой-то князь Станислав. Литовцы взяли города Обруч и Житомир. В 10 верстах от Киева, на реке Ирпени, войско Гедемина было встречено дружинами короля Льва Юрьевича (правнука Даниила Романовича), его брата Андрея Юрьевича, их «подручника» (вассала) Станислава, переяславского князя Олега и брянских князей Святослава и Василия. В ходе сражения на Ирпени русские войска потерпели страшное поражение, король Лев с братом и князь Олег были убиты. Станислав вместе с брянскими князьями убежал в Брянск.

После сражения Гедемин осадил Белгород. Горожане, оставшиеся без князей и воевод, по зрелому размышлению решили сдать город, после чего присягнули Гедемину.

Гедемин приступил к Киеву. Город выдержал двухмесячную осаду. Наконец горожане, не дождавшись ниоткуда помощи, собрались на вече и решили сдаться литовскому князю. Ворота города были открыты, и к Гедемину двинулся Крестный ход. Духовные лица и местные бояре били челом великому князю, «чтобы у них отчин не отнимал, и князь Гедемин их при том оставил и сам с честью въехал в Киев».

«И слышали о том пригороды Киевские, Вышгород, Черкассы, Канев, Путивль, Слеповрод, что киевляне передались с городом, а о государе своем слышали, что он убежал в Брянск и что силу его всю побили, и все пришли к великому князю Гедемину и начали служить с теми названными киевскими пригородами, и присягнули на том великому князю Гедемину. А переяславцы, услышав, что Киев и пригороды киевские подчинились великому князю Гедемину, а государь их князь Олег убит великим князем Гедемином, и они, приехав, начали с городом служить великому князю Гедемину, и на том присягнули.

И князь великий Гедемин, взяв Киев и Переяславль и все те перечисленные пригородки, и посадил в них сына Миндовга князя Ольгимонта, великого князя Гольшанского, а сам с великим весельем возвратился в Литву. И в то время великий князь киевский Станислав, изгнанный великим князем Гедемином, находился в Брянске, и прислал к нему [посла] князь Иван Рязанский. Будучи старым, он просил Станислава, чтобы тот приехал к нему и взял замуж его дочь по имени Ольгу, потому что сына не имел, а только одну ту дочь, и чтобы Станислав был после его смерти великим князем рязанским. И князь Станислав к нему поехал, и дочь его взял в жены, и после его смерти был великим князем рязанским» («Хроника Быховца»).

Сведения о взятии Гедемином Киева имеются лишь в «Хронике Быховца» и последующих ее компиляциях. Ряд же историков, начиная с XIX века, как, например, М.С. Грушевский,²⁷ В.Б. Антонович и др., оспаривают это утверждение. Тот же Антонович в рассказе о завоевании Волыни признает воспоминание о борьбе Гедемина с волынскими князьями из-за Подляхьи. Поход же на Киев происходил в действительности при Витовте и неправильно перенесен в эпоху Гедемина.

Итак, захват Киева в 1321 г. представляется достаточно спорным. Но, в любом случае, Гедемину удержаться там не удалось. Новгородская летопись под 1331 годом упоминает о киевском князе Федоре, который вместе с татарским баскаком гнался, «как разбойник», за новгородским владыкой Василием, шедшим от митрополита из Волыни. Новгородцы, про-

²⁷ Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия, Киев, 1891. С. 478–481.

вожавшие владыку, «остереглись», и Федор не посмел напасть на них. Из этого известия следует, что в 1331 г. Киевом владел какой-то князь, плативший дань татарам.

В Галиче же стал править последний король Владимир, сын Льва Юрьевича. О Владимире известно только, что умер он, не оставив наследника, в 1340 г., и от его имени правили галицкие бояре.

Богатое Галицкое княжество было лакомым кусочком, и на него с завистью поглядывали соседи. Недавний союзник галицких князей Льва и Андрея польский король Владислав Локеток (1305–1333 гг.) попытался организовать захват Галицко-Волынского княжества. Летом 1325 года он добился от римского папы провозглашения крестового похода на «схизматиков»²⁸. Однако поход этот не состоялся. Силезские князья Генрих и Ян также стремились прибрать к рукам Галицко-Волынскую Русь, уже заранее в грамотах они себя величали князьями Галицких и Волынских земель.

В этих условиях бояре, правившие Галичем, решили выбрать князя. Выбор пал на мазовецкого княжича Болеслава, сына Тройдена, женатого на сестре Льва Романовича Марии, то есть претендент приходился племянником Андрею и Льву. Болеслав перешел из католичества в православие, при крещении принял имя Юрий и в 1325 г. стал галицко-волынским князем. Своей столицей он избрал город Владимир Волынский. В историю этот князь вошел под именем Юрия-Болеслава II.

Юрий-Болеслав поддерживал мирные отношения с татарскими ханами, ездил в Орду за ярлыком на княжение. Он был в дружбе с прусскими рыцарями, зато вел продолжительные войны с Польшей. В 1337 г. Юрий-Болеслав в союзе с ордынцами осадил Люблин, но овладеть им князю не удалось.

В 1331 году Юрий-Болеслав вступил в союз с Гедимином и женился на его дочери Офке, а литовский князь Любарт Гедиминович женился на дочери Юрия-Болеслава от первой жены. У Юрия-Болеслава не было сыновей, поэтому вполне заслуживает доверия запись литовско-русского хрониста о том, что в 30-х годах XIV века «Люборта принял Володимерьский князь в дотце в Володимер и в Луческ и во всю землю Волынскую», то есть сделал литовского князя своим наследником.

Чтобы понять дальнейшие события, нам придется обратиться к Польше на несколько десятилетий назад. В XIII веке центральной власти в Польше практически не существовало. Почти непрерывно шли войны удельных князей. Периодически в эти усобицы вмешивались и русские князья. Чаще всего в конце XIII века в Польшу хаживали галицкие короли. Вот, к примеру, король Лев послал своего сына Юрия (с 1307 года короля Галицкого) в Люблин на князя Конрада. Конрад испугался и не стал биться с Юрием, о чем летописец сказал: «... взявши себе позор великий, так что лучше было бы ему умереть». Но и Юрию не удалось взять Люблин, и, сильно опустошив окрестности, он отправился восвояси.

²⁸ Схизматиками католики называли православных.



Пшемислав II

В конце XIII века во главе великопольских феодалов в их борьбе за объединение страны стал силезский князь Генрих IV Пробус (Праведный, Неподкупный), потомок Владислава II

Изгнанника. В 1288 г. он стал краковским князем и обратился к папе римскому с просьбой разрешить ему «носить скипетр и корону и называться королем». Однако, так и не дождав- шись ответа из Рима, 23 июня 1290 г. Генрих IV умер, отписав в завещании Краковскую землю великопольскому князю Пшемиславу (Пржемыслу) II (1257–1296 гг.), внуку Влади- слава Одонича.

Пшемислав быстро распространил свою власть на всю Великую Польшу и присоеди- нил к своим владениям Краковскую землю и Восточное Поморье. В 1295 г. архиепископ Якуб Свинка короновал Пшемислава в гнезненском кафедральном соборе. Об этом событии польский историк Ян Длугош писал: «Тем самым Польше с божьей помощью возвращены королевский скипетр и высокий титул короля, которого она были лишена почти 200 лет».

Но новому королю пришлось вести войну как с маркграфом Бранденбургским, так и с чешским королем Вацлавом II, который также претендовал на Краков. В 1296 г. войско марк- графа Бранденбургского было разбито, и на радостях Пшемислав II со своими вельможами решил отметить Масленицу в маленьком городке Рогозно. Узнав об этом, маркграф отпра- вил отряд рыцарей к Рогозно. Ночью рыцари напали на поляков. Немцы пытались связать пьяного короля, но в последний момент он очнулся, схватил меч и оказал сопротивление. Тогда немцы зарубили его и бросили прямо на улице.

В ходе усобицы 1290–1300 гг. все воевали против всех: и немцы, и венгры, и князь мазовецкий Владислав Локеток, а также галицкий король Лев и его брат луцкий князь Мсти- слав. За и против кого воевали русские князя – источники до нас не донесли, известно лишь, что они опустошили Сендомирскую область.

По смерти Пшемислава чешскому королю Вацлаву (Вячеславу) удалось утвердиться в Кракове. Пясты, княжившие в других польских областях, должны были признать свою зависимость от него, как от короля всей Польши, а сам Вячеслав был вассалом германского императора.

После смерти Вацлава II в 1319 г. Краковом овладел мазовецкий князь Владислав Локе- ток, сын Казимира Конрадовича. В 1320 г. Локеток принял королевский титул. Любопытно, что его некоторые историки именуют Владиславом I, а другие – Владиславом IV, с учетом древних князей (королей) Пястов. Кстати, прозвище Локеток, то есть Локоток, было связано с малым ростом короля. При Владиславе Польша вступает в союз с Литвой, и в 1323 г. поль- ский король женится на Анне, дочери Гедемина.

После смерти Владислава в 1333 г. королем Польши становится его сын Казимир III Великий (1310–1370 гг.). В 1335 г. Казимир заключил мир с чешским королем, а в 1343 г. – с Тевтонским орденом. Теперь у него были развязаны руки для похода на Галицко-Волынскую землю, раздираемую внутренними конфликтами.



Владислав Локеток

Еще в начале 1340 г. знать составила заговор против Юрия-Болеслава. Главой заговорщиков стал крупный галицкий феодал Дмитрий Дядька (Детько). 7 апреля 1340 г. Юрий-Болеслав был отравлен во Владимире Волынском. Большинство средневековых авторов сходится на том, что галицкий князь нажил себе врагов среди местной знати из-за того, что окружил себя католиками и стремился изменить «закон и веру» Руси. Европейские хронисты рас-

сказывают, что Юрий-Болеслав буквально наводнил княжество иностранными колонистами, в основном немцами, и пропагандировал католичество. Естественно, прозападная ориентация князя, поляка по рождению и католика по воспитанию, возмущала широкие массы русского населения Галицко-Волынских земель, чем и воспользовались бояре.

Смерть Юрия-Болеслава и последовавшая за ней анархия в Галицко-Волынском княжестве позволили польскому королю Казимиру III в конце апреля 1340 г. напасть на Галицкую Русь. Польские войска заняли несколько замков, в том числе и львовских, и грабили местное население. Одновременно и венгерский король, очевидно, по договоренности с Казимиром, двинул в Галичину свои войска, но они были остановлены на границе галицкими дружинами.

В июне 1340 г. галицко-волынское войско вместе с призванными на помощь ордынцами нанесли контрудар по Польше и дошли до Вислы. Хотя полностью разгромить войско Казимира не удалось, именно благодаря этому походу Галицкая Русь вплоть до 1349 г. сохраняла свою независимость от Польши. Казимир III был вынужден подписать с Дмитрием Дядькой договор о соблюдении нейтралитета.

Тем временем галицкие бояре усиленно искали нового князя для Волыни и остановились на кандидатуре Любарта²⁹, которого Юрий-Болеслав назвал своим наследником. Бояре надеялись, что Любарт, как представитель литовского княжеского рода, не имевшей опоры на Волыни, станет их покорной марионеткой. Итак, Волынь отошла к Литве.

С 1340 г. история Галичины отделяется от истории Волыни. Галичина лишь номинально признавала своим князем Любарта Волынского, фактически же ей правили галицкие бояре во главе с Дмитрием Дядькой. В 40-х годах XIV века Дядька самостоятельно, без участия Любарта, ведет военные операции и дипломатические переговоры с польским и венгерским королями. Такая ситуация сохранялась до конца 40-х годов XIV века. В борьбе против Польши и Венгрии и Дядька, и Любарт опирались на ордынского хана Узбека и его приемников.

Польских же королей к походам на Восток постоянно подталкивал Рим. Еще папа Григорий IX в послании к доминиканцам в 1233 г. запрещал браки с православными. Когда после набега язычников-литовцев и убийства мазовецкого князя Земовита I в 1262 г. папа Урбан IV обратился за помощью к королю Оттокару II, перечисляя грозящих врагов, то русские «схизматики» оказались на первом месте в этом списке, впереди язычников-литовцев, хотя речь шла именно о них. В этом послании, датированном 4 июня 1264 г., впервые выступает прямое зачисление христианской Восточной Церкви, вместе со всеми неверными и язычниками, в число общих врагов... «Христианской Церкви». С этой даты «схизма» занимает первое место в перечнях врагов Церкви. Так, в письме к королю Локетку в 1325 г. папа Иоанн XXII дает отпущение грехов идущим на войну «contra scismaticos, Tataros, paganos aliasque permixtas nationes infidelium» («против схизматиков, татар и других поганных...»). Это же повторил папа Урбан V в письме от 8 июля 1363 г.

В 1343 г. Казимир III получил от папы значительную финансовую помощь для борьбы с «русинами» и в 1344–1345 гг., заручившись нейтралитетом Любарта, отторг от Галичины Саноцкую землю. Осенью 1349 г. поляки предприняли новый поход на Галичину и Волынь. Преодолевая сопротивление гарнизонов пограничных замков, польские войска захватили города Львов, Белз, Берестье, Владимир Волынский. Сам же Любарт отсиделся в осажденном Луцке. Правда, на следующий год он сумел вернуть себе власть на Волыни, но Галичина уже не только вышла номинально из-под его контроля, но и была присоединена к Польскому королевству.

²⁹ Князь Любарт (1312–1397) – сын Гедемина, православное имя Федор. Дважды женат: с 1331 г. – на Анне Андреевне, княжне волынской, с 1349 г. – на Агафье Константиновне, княжне Ростовской.

Тут следует отметить один важный момент. В 90-х годах XX века многие литовские и украинские историки стали утверждать, что де польские и литовские войска освободили русские земли от татарского ига. На самом же деле после перехода Галичины к Польше дань татарам платилась в том же объеме. Так, папа Иннокентий VI в 1357 г. в булле к польскому королю Казимиру упрекал его в том, что с отнятых у «схизматиков» земель Казимир уплачивает дань «татарскому королю»³⁰.

Великий литовский князь Гедемин (годы правления 1315–1340) имел семерых сыновей:³¹ Монвида (ум. 1340 г.), Нариманта (1277–1348 гг.), Ольгерда (1296–1377 гг.), Кейстута (1298–1381 гг.), Корьята (ум. 1390 г.), Любарта (1312–1397 гг.) и Евнута (Евнутия) (1317–1366 гг.).

Официальных жен у Гедемина было две. По одной версии первой женой была Винда, дочь жмудского бортника Виндиминда, а второй – Ольга Всеволодовна, княжна смоленская (или Ольга Глебовна, княжна рязанская). По второй версии первой женой была Ольга Всеволодовна, княжна смоленская, а второй – Евна Ивановна Полоцкая.

Тот факт, что у Гедемина была одна или даже обе жены русскими означает, что он принял православие: выдача княжей дочери за язычника была невозможна на Руси. Другой вопрос, что Гедемин и его потомство, тот же Ольгерд, относились к смене вер очень спокойно, и производили их по мере надобности. Нужно жениться или заключить союз с соседом – выполняют христианские обряды, нужна поддержка местной знати – начинали публично выполнять языческие обряды.

³⁰ *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae*, Roma, 1860, t. I, N 776. S. 581.

³¹ Здесь и далее, говоря о детях царственных особ, автор, следуя принципу древних летописцев и хронистов, в ряде случаев опускает детей, умерших в молодом возрасте и не совершивших поступков, вошедших в историю.



Великий князь литовский Ольгерд

Формально все сыновья Гедимины были крещены и имели православные имена, так Наримант был Глебом, Ольгерд – Александром, Корьят – Михаилом и т. д. Немцы уже с XIV века стали называть Вильно³² «русским городом», а польские хронисты – «столицей греческого [православного] отщепенства».

Большинство сыновей Гедимины женилось на русских княжнах, а позже их потомки служили как польским королям, так и московским великим князьям. Так, от Монвида пошли такие известные на Руси фамилии, как Хованские, Корецкие, Голицыны, Куракины, Булгаковы, Щенятевы. От Ольгерда пошли князья Чарторыжские, Несвижские, Трубецкие, Вишневецкие и другие.

³² С 1939 г. Вильнюс.

Литовская экспансия на Русь в значительной степени ослаблялась непрерывными войнами с Тевтонским орденом. За время правления Гедемина немцы совершили свыше пятидесяти походов на Литву, а литовские князья – не менее двадцати нападений на земли Ордена.

На борьбу с язычниками на помощь Тевтонскому ордену съезжались рыцари со всей Европы. Так, в 1336 г. только из германских княжеств прибыло свыше 200 рыцарей. Из Германии же было доставлено и огнестрельное оружие.

В 1340 г. войска Тевтонского ордена осадили замок Велона на правом берегу реки Неман на границе между Жмудью и Литвой. Немцы не смогли взять Велону штурмом и решили прибегнуть к правильной осаде. Для этого они построили рядом с Велоной два хорошо укрепленных замка.

Великий литовский князь Гедемин с войском прибыл для освобождения Велоны от тевтонской осады и в свою очередь осадил оба замка. Однако их гарнизоны имели огнестрельные орудия. Метким выстрелом из пушки Гедемин был убит. Сыновья отвезли тело князя в Вильну, где по древнелитовскому обычаю облачили в парадные одежды и сожгли на погребальном костре в Кривой долине Свинторога вместе с вооружением, любимым конем, слугой, частью добычи и тремя пленными немецкими рыцарями.

Вопреки феодальному праву место Гедемина занял младший сын Евнут (в русских летописях Евнутий). По словам литовского летописца, старшие братья Ольгерд и Кейстут вступили в сговор, чтобы выгнать брата из Вильно. Однако Ольгерд, шедший из Витебска, не успел, и Кейстут один напал на Вильно и ворвался в город. Евнут бежал, но отморозил ноги и попался в плен. Его доставили к Кейстуту.

Тот тотчас отправил гонца к Ольгерду, что бы тот шел скорее, и что Евнут уже в его руках. Когда Ольгерд пришел, Кейстут сказал ему: «Тебе следует быть великим князем в Вильне, ты старший брат, а я с тобою буду жить заодно».

Ольгерд стал княжить в Вильно, а Евнуту дал Изяславль. Потом братья Ольгерд и Кейстут договорились между собой, чтобы всем слушаться старшего брата Ольгерда и условились, что если добудут город или волость, все делить пополам и «жить до смерти в любви, не мыслить лиха одному на другого». Оба брата сдержали клятву.

По словам же московского летописца Ольгерд и Кейстут внезапно напали в Вильно на своих братьев Нариманта и Евнута. Наримант бежал в Орду, а Евнут – в Псков, оттуда в Новгород, из Новгорода в Москву к приемнику Ивана Калиты князю Симеону Гордому (1316–1353 гг.), в 1346 г. был крещен и назван Иваном.

В 1349 г. Ольгерд послал своего брата Корьята к ордынскому хану Чанибеку просить у него помощи против Симеона Гордого. Московский князь, узнав об этом, послал немедленно сказать хану: «Ольгерд опустошил твои улусы (юго-западные русские волости) и вывел их в плен. Теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, разбогатевши, вооружится и на тебя самого». Хан понял справедливость слов Симеона, велел схватить Корьята и выдал его московскому князю. Ольгерд на время присмирел и отправил в Москву послов с богатыми дарами и челобитной, прося освободить брата. В конце концов, Симеон согласился.

Особую роль во внешней политике Литвы в XIV веке играло Великое Тверское княжество, с которым Литва имела доверственную границу. Ржева (Ржев), Зубцов и Холм были тверскими пограничными городами.

Зимой 1320–1321 гг. великий тверской князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи (1299–1326 гг.) женился на дочери великого князя Гедемина Марте, а в начале 1351 г. Ольгерд, ставший после смерти своего отца в 1345 г. великим князем литовским, попросил руки Ульяны Холмской, дочери великого князя Александра Михайловича, племянника Дмитрия Грозные Очи. Холмской ее прозвали, поскольку она жила при дворе своего брата Всеволода Александровича, удельного князя холмского, вассала великого князя тверского.

Тем не менее, прочного мира между Литвой и Тверским княжеством достичь не удалось. В 1356 г. литовцы напали на городок Ржеву (Ржев) и захватили его. В том же году умер Василий Александрович Брянский, сын смоленского князя Александра Глебовича (1285–1287 гг.). Брянск тогда входил в состав Смоленского княжества, а, кроме того, князь Василий Александрович имел на Брянск ярлык от татарского хана Ианнибека. Но, тем не менее, Ольгерд, воспользовавшись смертью брянского князя, внезапно напал на город и взял его. Иван, сын Василия Александровича, был взят в плен и увезен в Литву, где и умер (или был убит). Забегая вперед, скажу, что отбить Брянск у литовцев удалось лишь в 1500 г. Ивану III.

В 1358 г. объединенное тверское и Можайское войско (замечу, что Можайский князь был вассалом Москвы) отбило Ржев у литовцев. Но в следующем году сын Ольгерда Андрей (1325–1399 гг.) вновь захватил Ржев. В 1360 г. сам Ольгерд приезжал инспектировать управление этого города.

В составе Великого княжества Литовского было много областей с русским православным населением, да и многие литовцы, особенно в городах, приняли православие. Ольгерд не собирался менять православную веру на католическую. Как писал академик Р.Г. Скрынников: «Когда к Ольгерду в Вильнюс явились послы с Запада и предложили ему принять католичество, они услышали насмешливый ответ: Литва готова принять католичество при условии освобождения всех старых литовских земель, захваченных крестоносцами. Ордену предложили переселиться на земли татарской Орды с тем, чтобы обратить в католичество татар, а заодно и русских»³³. Так, при Ольгерде около половины жителей Вильно были православными. Надо ли говорить, что Ольгерд не желал иметь православное духовенство, подчиненное Москве. Поэтому ему пришлось вступить в борьбу с московским клиром за создание независимой от Москвы митрополии. (Подробнее об этом мы скажем в главе 14.)

О занятии Ольгердом Киева и присоединении его к Великому княжеству Литовскому в советских учебниках истории, как школьных, так и в университетских, говорилось коротко и неясно. Мол, польско-литовские феодалы захватили русские земли, пользуясь раздробленностью северо-восточных русских княжеств, находившихся под татаро-монгольским игом.

Между тем нельзя путать литовских князей XIV века с польскими панями XVII века. В XIV веке не было фанатичных ксендзов и зверских расправ их с православными. Поэтому русское население, как в Киеве, так и в Брянске и Ржеве относилось к литовским завоевателям достаточно спокойно. Ну, вошел в Киев православный князь Ольгерд-Александр с дружиной, которая более чем на половину состояла из православных, а остальные были язычниками. Большого погрома в Киеве не было, а после ухода Ольгерда все в городе осталось по-прежнему. Владимир Ольгердович с дружиной охранял город, брал умеренную дань и особенно не вмешивался ни в хозяйские, ни в церковные дела города.

Заметим, кстати, что родной брат Владимира, Андрей Ольгердович, отправился в Псков и стал псковским князем. Конечно, статусы псковского и киевского князей различны, но этот факт хорошо показывает отношение русских к литовским князьям.

Киевское княжество на несколько десятилетий стал владением Ольгердовичей – Александра Владимировича (умер в 1455 г.) и Семена Александровича (умер в 1471 г.). После 1471 г. Киевское княжество было упразднено, и в Киеве правил наместник великого князя литовского.

По крови православные литовские князья были больше чем наполовину Рюриковичи. Да и само войско Ольгерда, вошедшее в Малороссию, больше, чем на половину состояло из жителей Белой Руси – Витебского, Минского, Гродненского и других княжеств. Сами же коренные «литовские феодалы» практически не интересовались пахотными землями Малороссии, их куда больше привлекали охота и бортничество. Еще раз замечу, что между литов-

³³ Скрынников Р.Г. Святители и власти. Ленинград, Лениздат, 1990. С. 8.

скими князьями и их русскими подданными не было языкового барьера. Дело в том, что официальный язык в Великом княжестве Литовском в XIV веке был... русский. Точнее, диалект древнерусского языка, который был принят на землях, в настоящий момент входящих в состав республики Беларусь. Так что можно по-другому сказать, что они говорили на древнебелорусском языке. Сразу скажу, что это личное мнение автора. Я обращался в Институт русского языка в Москве, но, увы, внятного ответа на вопрос, чем отличались языки регионов Киева, Москвы и Минска в XIV веке, так и не получил.

Однако, судя по текстам дошедших до нас официальных документов, а также по свободному общению жителей этих районов можно сделать однозначный вывод, что в XIII–XVI веках жители Пскова свободно, без переводчика могли общаться с жителями Киева или Полоцка. К примеру, те же донские казаки десятки раз ходили в совместные походы с запорожцами, сотни казаков с Дона месяцами жили в Сечи и наоборот. И нет сведений, чтобы им когда либо требовались переводчики.

Таким образом, можно сказать, что официальным языком Великого княжества Литовского для большинства его населения был русский язык³⁴.

На мой взгляд, существенная разница в московском, белорусском и украинском языках появилась в конце XVI века. И эти различия в значительной мере связаны с принятием католичества и ополячиванием дворянства Великого княжества Литовского. Дворяне переходят на польский язык, а тот, в свою очередь, в XIII–XVI веках оказался под сильным воздействием латинского, немецкого и французского языков. Соответственно, язык москалей впитал в себя сотни татарских слов. Я умышленно говорю про московский язык, поскольку в том же XV веке москвичи и новгородцы понимали друг друга, но их речь существенно различалась.

Любопытно, что в царствование Ивана Грозного литовские послы, услышав неприятные им речи царя или бояр, сразу говорили, что им какие-то слова не понятны, и просили изложить сказанное на бумаге.

Таким образом, переход Приднепровской Руси под власть литовского князя практически никак не отразился на быте, вере и всем укладе жизни ее жителей. Приднепровьем правили князья боковых ветвей Рюриковичей и некоторые Гедиминовичи, причем последнее очень быстро обрусевали. Между прочим, сыновья Ольгерда-Александра Андрей, князь трубчевский, и Дмитрий Корибут, князь северский, со своими дружинами бились с ханом Мамаем на Куликовом поле под началом Дмитрия Донского. Дмитрий Корибут стал зятем князя Олега Рязанского. В XIX веке один русский историк остроумно заметил: «Победила не Литва, а ее название».

Но вернемся к князю Ольгерду. Дела киевские не очень отвлекали его от дел тверских. В 1367 г. великий князь московский Дмитрий Иванович (еще не Донской) (1350–1389 гг.) начал притеснять великого князя тверского Михаила Александровича (ок. 1341–1399 гг.). Михаил не имел достаточных сил для борьбы с Москвой и поехал в Литву к своему зятю Ольгерду за помощью.

Отъездом князя воспользовались его вассалы: дядя кашинский князь Василий Михайлович и двоюродный брат князь дорогобужский Еремей (Иремия) Константинович. Князь Василий с сыном Михаилом, с князем Еремеем и «со всею силою кашинскою и с полками московскими» подступил к Твери и осадил ее. Взять город не удалось, но окрестности Твери на правом берегу Волги были основательно разграблены.

³⁴ Сказать «белорусский язык» не будет ошибкой, но точнее назвать «русский», поскольку термина «белорусский язык» тогда не было, да и что, литовские князья, приезжая в Киев, общались с местным населением через переводчиков? Или, как тогда называли, «русская мова».

Московская рать ушла, а через несколько дней явился князь Михаил Александрович «с полками литвы». Он разгромил дорогобужский уезд, сами князья бежали, а Михаилу удалось захватить в плен их жен, бояр и слуг. После чего тверской князь отправился со своей и литовской дружинами к Кашину. Но по дороге, в селе Андреевском, его ждали послы дяди от тверского епископа Василия. Бог, по словам летописца, «утишил ярость Михаила», и он помирился с дядей, а потом и с двоюродным братом Еремеем и с московским князем Дмитрием Ивановичем. Но еще в том же году Еремей сложил с себя крестное целование к Михаилу Александровичу и уехал в Москву.

В 1368 г. великий князь московский Дмитрий и митрополит Алексий зазвали к себе князя Михаила якобы в гости, а на самом деле устроили над ним третейский суд. После чего Михаила вместе с его боярами схватили и посадили под стражу, но вдруг узнали о неожиданном приезде трех ордынских князей. Князь Дмитрий и митрополит на всякий случай отпустили Михаила, хотя и заставили его отказаться от Городка и части удела Семена Константиновича (брата дорогобужского князя Еремея), где великий князь московский Дмитрий посадил своего наместника вместе с князем Еремеем.



Пешие русские воины (середина XIV в.). Такое вооружение имели как воины московского князя, так и ратники, служившие литовским князьям

Обиженный Михаил опять отправился жаловаться зятю. И осенью 1368 г. Ольгерд с большим войском двинулся на Москву. По словам летописца, у Ольгерда Гедеминовича был такой обычай, что никто не знал, ни свои, ни чужие, куда он замышляет поход и зачем собирает большое войско, «этою-то хитростию он и забрал города и земли и попленил многие страны, воевал он не столько силою, сколько мудростию».

Обычно Ольгерд наступал на Москву с северо-запада, из района Ржева, чтобы иметь в тылу союзницу Тверь. Теперь же он напал с юго-запада.

Дмитрий Иванович разослал по всем городам грамоты для сбора войск, но ратники не успели прийти из отдаленных областей, и Дмитрий выслал против Ольгерда только сторожевой полк из москвичей, коломенцев и дмитровцев. Командовали полком московский воевода Димитрий Минин и Акинфа Федорович Шуба – воевода двоюродного брата князя Дмитрия Владимира Андреевича.

Между тем Ольгерд уже добрался до рубежей Московского княжества. Князь стародубский Семен Дмитриевич Крапива пытался задержать литовцев, но дружина его была разгромлена, а сам князь убит. Затем Ольгерд взял Оболенск³⁵, где был убит князь Константин Юрьевич, удельный князь оболенский, вассал Москвы.

Наконец 21 ноября 1368 г. на реке Тросне (приток Рузы) Ольгерд встретил московский сторожевой полк и разбил его; князя, бояре и воеводы – все погибли. Князь же Дмитрий заперся в Москве. Ольгерд быстро пошел к столице княжества. Дмитрий велел поджечь посады, а сам с митрополитом, двоюродным братом Владимиром Андреевичем, со всеми боярами и людьми заперся в новом каменном Кремле. Три дня Ольгерд стоял под стенами, но взять Кремль не смог, зато опустошил все окрестности, угнал много людей и весь скот.

Таким образом, князь Михаил Тверской был отомщен, Дмитрий вынужден был вернуть ему Городок и отобранную часть удела Семена Константиновича.

Но мир Москвы с Тверью и Литвой продержался совсем недолго. В 1370 г. большое войско, состоявшее из литвы, жмуди, руси и татар, под предводительством князей Ольгерда, его сына Ягайло, Кейстута и его сына Витовта, вторглось в Пруссию, где великий магистр встретил его под замком Рудавою и наголову разбил.

Московский князь был несказанно рад поражению Ольгерда и в августе 1370 г. двинулся с ратью на Тверь. Великий князь Михаил Александрович по обычаю бежал в Литву, а великий князь Дмитрий Иванович вторгся в Тверское княжество, взял и сжег города Зубцов и Микулин и многие села, взял большой полон и угнал весь скот.

Ольгерд сумел собрать рать для отпора Москве лишь к концу 1370 г. В рождественский пост он двинулся к Москве с братом Кейстут, князьями Михаилом Тверским и Святославом Смоленским. Они подошли к Волоку Ламскому (Волоколамску) и с ходу начали штурм кремля. В ходе боя один литовец проткнул копьем князя Василия Березуйского, через час князь скончался, тем не менее, приступ был отбит. Три дня литовцы грабили окрестности, а затем двинулись к Москве. Осада была начата 6 декабря 1370 г. Великий князь Дмитрий Иванович остался в Кремле, а двоюродный брат его Владимир Андреевич начал сбор войска в Перемышле (северном). К нему подошли пронский князь Владимир Дмитриевич и полки рязанского князя Олега Ивановича.

³⁵ Оболенск находился недалеко от впадения Протвы в Оку.



Конный русский воин (середина XIV в.). Такое вооружение имели как воины московского князя, так и ратники, служившие литовским князьям

Вскоре Ольгерд убедился, что Кремля ему не взять, и предложил Дмитрию Ивановичу мир, желая скрепить его браком своей дочери и князя Владимира Андреевича. Но Дмитрий Иванович согласился только на перемирие до Петрова дня. Ольгерд двинулся назад, шел с большой осторожностью, все время опасаясь погони. Тверской князь Михаил возвратился в Тверь и вскоре помирился с Дмитрием Ивановичем.

В 1371 г. великий князь московский зачем-то отправил войско на Рязань, хотя Олег Рязанский и помог ему в борьбе против Ольгерда. А в следующем 1372 г. опять началась война с Тверью.

Великий князь тверской Михаил Александрович сумел взять город Кистму³⁶, воеводы которого были схвачены и привезены в Тверь. Сразу после этого кашинский князь Михаил Васильевич отправил посла в Москву, заключил мир с князем Дмитрием и сложил крестное целование князю Михаилу Тверскому. А Михаил Александрович не остановился на Кистме и пошел к Дмитрову, взял с города откуп, а посады и окрестные села сжег, бояр и многих людей взял в плен. В то же время он тайно повел на Переяславль³⁷ литовскую рать Кейстута с сыном Витовтом, Андрея Ольгердовича Полоцкого и Дмитрия Друцкого, как и с Дмитрова, взял с Переяславля откуп, а окрестности пожег. Затем тверской князь повел литовскую рать на Кашин, который разделил участь Дмитрова и Переяславля.

Переяславль и Кашин были вынуждены покориться литовскому войску и выплатить большую контрибуцию, а кашинский князь вновь целовал крест Михаилу.

От Кашина союзники пошли к Торжку, взяли его, и Михаил Александрович посадил там своих наместников. Но в Петров пост к Торжку подошли давние союзники – новгородцы, и наместники Михаила со своим небольшим конвоем бежали из города. Тогда новгородцы отыгрались на тверских купцах. Узнав об этом, князь Михаил 31 мая 1372 г. вернулся к Торжку. Навстречу ему вышло новгородское войско. В этом бою новгородцы были наголову разбиты, а их воевода Александр Абакумович убит. Разгневанный Михаил сжег Торжок, а затем двинулся к Любутску, где стояла рать Ольгерда.

Через несколько дней после соединений тверичей с литовцами к Любутску скрытно подошла рать Дмитрия Ивановича. Москвичи внезапно атаковали и разгромили литовский сторожевой полк. Основные литовские силы и их русские союзники отошли за естественную преграду – крутой и глубокий овраг. Москвичи подошли к оврагу с другой стороны и так стояли несколько дней. В конце концов, стороны заключили перемирие «от Спожина заговенья до Дмитриева дня» (с 31 июля по 26 октября 1372 г.). Договор был заключен от имени Ольгерда, Кейстута и великого князя смоленского

Святослава Ивановича; в него включены также были тверской князь Михаил, брянский князь Дмитрий и те князья, «которые будут в имени Ольгерда и Святослава Смоленского». Трое князей рязанских (Олег, Роман и Владимир Пронский) находились на стороне Дмитрия Московского. Ольгерд поручился, что Михаил Тверской вернет все награбленное им в московских землях и отзовет оттуда своих наместников. Если же Михаил во время перемирия начнет грабить Московское княжество, то князь Дмитрий волен разделаться с ним, и литовские князья за него не вступятся. Дмитрий Иванович добился также для себя права покончить с Михаилом с помощью татарского хана: «А что пошли в Орду к царю люди жаловаться на князя Михаила, то мы в божьей воле и в царевой: как повелит, так мы и будем делать, и то от нас не в измену». Далее по-прежнему происходили мелкие дразги между Москвой и Тверью, но я их опускаю, поскольку литовские войска в них участия не принимали. Однако союз Твери с Литвой не только не был разорван, но и окреп вследствие бракосочетания дочери

³⁶ Городок на реке Кистме (Кестме), впадающей в Мологу в 10 верстах ниже Весьегонска.

³⁷ Ныне Переславль-Залесский.

ольгердова брата Кейстута Марии и сына великого князя Михаила Александровича Ивана. Венчание состоялось в Твери летом 1375 г.

В следующем 1376 г. Дмитрий Иванович послал своего двоюродного брата Владимира Андреевича с войском к Ржеву. Рать три дня простояла под стенами, город так и не взяла и отошла, предварительно разграбив и предав огню посад. Но ожидаемого в Москве ответного похода литовцев не было, так как в 1377 г. скончался князь Ольгерд. Замечу, что перед смертью Ольгерд принял монашеский сан и переименовал мирское православное имя Александр на монашеской Алексей.

Глава 6

Литва на распутье. Уния или независимое королевство?

После смерти Ольгерда великим князем литовским стал его сын Ягайло (православное имя Яков, 1350–1434 гг.). Его дядя Кейстут, князь трокский (тронский) без колебаний присягнул племяннику. Однако у Ольгерда был еще и старший сын Андрей, который по феодальному праву должен был наследовать отцу. Он княжил в Полоцке и после смерти Ольгерда заявил было свои права на престол, но, не получив ниоткуда помощи, вынужден был уступить Ягайло. Андрей лишился своего удела, бежал в Псков, где псковичи посадили его на княжение с согласия великого князя Дмитрия Ивановича, к которому Андрей ездил в Москву.

Московский князь решил воспользоваться смутой в Литве, и в 1379 г. Андрей Ольгердович вместе с серпуховским князем Владимиром Андреевичем и московским воеводой Дмитрием Михайловичем Волынским двинулись на Литву, взяли города Трубчевск и Стародуб, разграбили многие городки и села и возвратились с большой добычей.

Сын Ольгерда Дмитрий, князь трубчевский, не сопротивлялся московским полкам. Он покинул город вместе с семьей и боярами, поехал в Москву и стал служить великому князю московскому, как выразился летописец, «урядился в ряд и крепость взял». Дмитрий Иванович принял его хорошо и дал в удел город Переяславль со всеми пошлинами.

Усобица между Ягайло и Андреем Ольгердовичами почти не сказалась на жизни Литовского княжества. Но через некоторое время началась куда более сильная усобица между Ягайло и Витовтом.



Великий князь литовский Ягайло

В Полоцке после изгнания Андрея Ольгердовича княжил сын Кейстута Андрей по прозвищу Горбатый. Ягайлу и его фавориту Войдылло хотелось отнять эту волость у Кейстутвича и отдать ее родному брату Ягайло Скиригайло (1352–1394 гг.).

Скиригайло (Скиргайло) был сыном Марии Александровны Тверской. Но, как и отец, он наряду с православными обрядами не брезговал и языческими. В литовской глубинке это лишь прибавляло ему популярности. Но в Полоцке выполнение языческих обрядов кончилось для Скиригайло печально. Разъяренная толпа горожан посадила князя задом наперед на старую клячу и под свист и улюлюканье погнала ее к городским воротам. В Придвинье еще и сейчас жива поговорка: «Поехал, как Скиригайло с Полоцка». Наука пошла Скиригайло на пользу: вернувшись через несколько лет в Полоцк как великокняжеский наместник, он крестился, принял православное имя Иван и вел себя как примерный христианин. Великий князь литовский Ягайло выслал в Полоцк против Андрея Ольгердовича войско, к литовцам

присоединились и немцы. Но полочане объявили, что скорее сдадутся немцам, чем Скиригайло и отразили все приступы литовцев. Князь Кейстут, узнав о полоцких событиях, пожаловался своему сыну Витовту на Ягайло: «За Войдылла отдал мою племянницу, уговорился с немцами на мое лихо, а вот теперь с кем мы воевали? С немцами? А он с ними заодно добывает Полоцка». Витовт ответил, что не верит он в такое коварство Ягайло, и выехал в Дрогичин, а оттуда – в Гродно. Но старик Кейстут не разделял сомнений сына и решил для собственной безопасности опередить Ягайло. Он неожиданно явился с большой ратью под стенами Вильно, занял город, взял в плен Ягайло со всем семейством, захватил все грамоты, в том числе и последний договор Ягайло с немцами. Ягайло был вынужден обещать никогда не воевать против Кейстута, и тогда его отпустили в Витебск.

На некоторое время великим князем литовским стал Кейстут, но вскоре Ягайло удалось обманом захватить Кейстута и Витовта, и через пять дней старый дядя был удушен в тюрьме. А тяжело больного Витовта и его жену Анну Ягайло вывез в Крево, где держал под крепкой стражей. Витовт вскоре поправился, но посчитал нужным еще попритворяться хворым. Жена ежедневно навещала его вместе с двумя служанками. Наконец она получила от Ягайло разрешение только для одной себя ехать в Моравию. В ночь перед отъездом Анна пришла проститься с мужем и задержалась у него дольше обычного: в это время Витовт переодевался в платье одной из служанок, Елены, которая осталась вместо него. Витовт же спокойно вышел с женой из тюрьмы, нашел лошадей, высланных из Волковыска от тамошнего тиуна, и вскоре был уже в Слониме, оттуда поехал в Берестье и на пятый день был уже в Полоцке. Елена, не вставая с постели, так хорошо изображала больного князя, что только на третий день Ягайло доложили о его бегстве, и разгневанный князь велел убить служанку.

Смуты в Литве дали возможность Дмитрию Ивановичу заняться ордынскими землями. В 1380 г. ему удалось разбить войско хана Мамаю. Замечу, что в этой битве отличились два сына Ольгерда – Андрей и Дмитрий. О защите же Москвы литовским князем Остеем в 1382 г. от орды Тохтамыша будет рассказано в главе 7.

В «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева говорится, что рязанский князь Олег «спешил войти в переговоры с Мамаем и с Ягайлом литовским. Говорят, будто Олег и Ягайло рассуждали так: «Как скоро князь Димитрий услышит о нашествии Мамаю и о нашем союзе с ним, то убежит из Москвы в дальние места или в Великий Новгород или на Двину, а мы сядем в Москве и во Владимире; и когда хан придет, то мы его встретим с большими дарами и упросим, чтоб возвратился домой, а сами, с его согласия, разделим Московское княжество на две части – одну к Вильне, а другую к Рязани, и возьмем на них ярлыки и для потомства нашего»³⁸. Ягайло де собрал большое войско и двинулся на помощь хану, но опоздал: Дмитрий Донской уже разбил Мамаю. Приблизительно так писали и в советских школьных и вузовских учебниках по истории.

На самом же деле у советских историков не было достоверных данных о походе и намерениях Ягайло. Литовский князь действительно шел к Дону, но не через находившуюся под его властью Северскую землю, а через владения союзников Дмитрия Донского – черниговских князей. Естественно, что через враждебные земли литовское войско шло с боями.

Видимо, Ягайло и не торопился соединиться с Мамаем, ему было гораздо важнее использовать сложившуюся ситуацию для укрепления своего влияния в землях бассейна верхней Оки. В «Летописной повести» говорится, что литовцы «не поспеша... на срок за малым, за едино днище или менши», то есть, находились на расстоянии одного дневного перехода от места сражения. А по «Сказанию о Мамаевом побоище» выходит, что Ягайло дошел до Одоева, находившегося в 140 км от Дона, и, узнав о выступлении войска Дмитрия Донского к Дону, «пребысть ту оттоле неподвижным».

³⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II. С. 285.

Однако если говорить честно, то сейчас никто не знает, где конкретно произошла знаменитая Куликовская битва. Согласно «Полному географическому описанию нашего Отечества», изданному в 1902 г. под редакцией П.П. Семенова-Тянь-Шанского, Куликово поле представляло собой степную «поляну», протянувшуюся на 100 км по всему югу нынешней Тульской области с запада на восток (от верховья реки Снежедь до Дона) и на 20–25 км с севера на юг (от верховьев Упы до верховьев Зуши).

Внимательный читатель спросит, а как же быть с памятником русским воинам, стоящим на Куликовом поле? Все очень просто. В июне 1820 г. тульский губернатор В.Ф. Васильев поставил вопрос о сооружении памятника, «знаменующего то место, на котором освобождена и прославлена Россия в 1380 году». А дальше все, как положено: велело начальство, и нашли место битвы.

На мой взгляд, нельзя полностью исключить желание Ягайло соединиться с Мамаем для разгрома московской рати. Однако вероятность этого крайне мала. Видимо, Ягайло просто решил подстраховаться. А вдруг Дмитрий заплатит большую дань Мамаю, помирится с ханом, а затем хан один, а то и вместе с Дмитрием отправится грабить Литовскую землю. Так много раз бывало у золотоордынцев и будет у крымских татар.

Этот вариант еще более вероятен, если вспомнить, что поход Мамаю в 1380 г. был не карательным, как, например, «Дюденева рать» или «Неврюева рать», а чисто грабительским. В Орде была большая усобица, и один из претендентов на ханский престол³⁹ и, надо сказать, незаконный, поскольку Мамай не был Чингизидом, решил подкормить свою рать. Татарская орда должна была сходиться «за зипунами» в Москву, а затем вновь участвовать в борьбе за золотоордынский престол.

³⁹ В 1375–1380 гг. Мамай вел борьбу за престол как с Арапшахом (Арапшой), так и с Тохтамышем.



Великий князь литовский Витовт

После разгрома Москвы Тохтамышем в 1383 г. в Орду за ярлыком на великое княжение владимирское отправились конкуренты: тверской князь Михаил Александрович с сыном Александром и Василий, сын Дмитрия Донского. Хан быстро понял, что с тверичей взять нечего и 6 декабря 1383 г. отослал Михаила Александровича в Тверь, «несолоно хлебавши». А за Василия Дмитриевича (будущий великий князь московский Василий I, 1371–1425 гг.) Тохтамыш вначале потребовал восемь тысяч золотых монет. То ли денег у Донского не было, то ли не особенно жаловал он несильного умом первенца, но Москва денег не дала. Зато в конце 1385 г. молодому князю удалось бежать.

Как не принижалась роль личности в истории, а ведь именно отдельные личности на столетия определяли развитие одной страны, а то и мира в целом! Одна меткая татарская стрела, выпущенная в спину княжича Василия Дмитриевича, в корне бы изменила русскую историю. Мы не получили бы двух слабых и тугоумных Василиев (I и II), управляемых московскими боярами, не было бы тридцатилетней кровавой гражданской войны на Руси. Мос-

ковским князем стал бы Юрий Дмитриевич – храбрый воин, мудрый стратег и политик. С ордынской зависимостью было бы покончено в самом начале XV века. Но, увы, увы...

Целый и невредимый Василий Дмитриевич бежал из Орды, причем, обманывая погоню, устремился на юг, а оттуда, через Литву, пробрался в Москву. В Литве он оказывается в руках Витовта, который заставил княжича принять ряд обязательств перед Литвой, в том числе жениться на дочери Витовта.

Сам же Витовт в начале 80-х годов XIV века не на жизнь, а на смерть воевал со своим двоюродным братом Ягайло за власть над Литвой. При этом Витовт, вступив в союз со злейшим врагом Литвы Тевтонским орденом, принял католичество. Но в 1384–1385 гг. двоюродные братья помирились и вместе начали бить немцев, а Витовт поменял католичество на православие.

Смоленские князья попытались воспользоваться смутой в Литве и отбить город Мстиславль, который принадлежал смоленским князьям, но затем был захвачен литовцами. Чтобы избежать обвинений в предвзятости, процитирую С.М. Соловьева: «В 1386 году смоленский князь Святослав Иванович с сыновьями Глебом и Юрием и племянником Иваном Васильевичем собрал большое войско и пошел к Мстиславлю, который прежде принадлежал смоленским князьям и потом был у них отнят литовцами. Идучи Литовскою землею, смольняне воевали ее, захватывая жителей, мучили их нещадно различными казнями, мужчин, женщин и детей: иных, заперши в избах, сжигали, младенцев на кол сажали. Жители Мстиславля затворились в городе с наместником своим, князем Коригайлом Ольгердовичем⁴⁰; десять дней стояли смольняне под Мстиславлем и ничего не могли сделать ему, как в одиннадцатый день поутру показался в поле стяг литовский: то шел великий князь Скиригайло Ольгердович; немного подальше выступил другой полк – вел его князь Димитрий-Корибут Ольгердович, за полком Корибутовым шел полк Симеона Лугвения Ольгердовича, наконец, показалась и рать Витовтова. Литовские полки быстро приближались; смольняне смутились, увидевши их, начали скорее одеваться в брони, выступили на бой и сошлись с литовцами на реке Вехре под Мстиславлем, жители которого смотрели на битву, стоя на городских забралах. Битва была продолжительна, наконец, Ольгердовичи одолели; сам князь Святослав Иванович был убит одним поляком в дубраве; племянник его Иван был также убит, а двое сыновей попались в плен. Литовские князья вслед за бегущими пошли к Смоленску, взяли с него окуп и посадили князем из своей руки Юрия Святославича, а брата его Глеба повели в Литовскую землю»⁴¹. А теперь мы перенесемся в Польшу, где династический кризис инициировал ряд судьбоносных событий, круто изменивших историю Польши и Литвы. В 1370 г. умер польский король Казимир III. Он был бездетен, и при нем на польском престоле пресеклась династия Пястов, правившая с X века. Правда, в Моравии вассальные князья – потомки Пястов, правили до 1526 г., а в Силезии – до 1675 г. После этого Пясты все вымерли. В XVII–XVIII веках же Пястами назывались польские короли или претенденты на престол, которые были просто этническими поляками, а вовсе не прямыми потомками древних Пястов (например, Любомирские). Казимир III назначил наследником сына своей дочери Людовика, короля Венгрии, который по отцу принадлежал к Анжуйской династии. Оттуда и его прозвища – Людовик Венгерский и Людовик Анжуйский.

Итак, в 1370 г. Людовик стал одновременно и польским, и венгерским королем. Все двенадцать лет своего правления Людовик постоянно жил в Венгрии и мало уделял внимания Польше.

В 1374 г. Людовик издал так называемый «Кошицкий привилей», освобождавший панов и шляхту от всех государственных повинностей, за исключением военной повинности

⁴⁰ Коригайло Ольгердович (ум. в 1391 г.). Православное имя Константин, католическое Казимир.

⁴¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II. С. 306.

в пределах страны и небольшой денежной платы. Он обратил бенефиции польского дворянства в наследственные владения. Кроме того, в этом «привилее» король обязался назначать на должности в областях только представителей местной знати.



Людовик Венгерский (Анжуйский)

Кошицкий «привилей» представлял собой первый «привилей», выданный польскому дворянству – панам и шляхте – как сословию. До этого времени существовали лишь при-

вилегии типа иммунитетов, выдававшиеся отдельным лицам. Время правления Людовика Венгерского отличалось крайним своеволием шляхты, грабежами, разбоями и другими проявлениям феодальной анархии.

«Кошицкий привилей» свел уплату податей шляхтой и панам к чистой формальности, тем самым значительно уменьшив постоянные доходы короля и поставив финансы государства в зависимость от панов и шляхты. Для разрешения новых податей шляхта стала собираться на местные съезды – сеймики, которые скоро стали органами власти шляхты на местах.

В 1382 г. умер Людовик Венгерский. Он не имел сыновей и поэтому назначил наследником польского престола мужа своей старшей дочери Марии Сигизмунда – маркграфа бранденбургского, сына чешского короля и немецкого императора Карла IV. Но польские вельможи решили присягнуть второй дочери Людовика, одиннадцатилетней Ядвиге, и самим выбрать ей мужа.

Но самое забавное, что Ядвига была уже... замужем. Ее обвенчали в 7 лет с десятилетним австрийским герцогом Вильгельмом. Но сразу после церемонии детишкам объявили, чтобы они шли по домам, а выполнять супружеские обязанности Ядвига должна была начать с 12 лет.

Ряд польских магнатов нашли Ядвиге нового мужа – мазовецкого князя Семовита, прямого потомка Пястов. Немедленно началась кровавая усобица между сторонниками Сигизмунда и Семовита.

В ходе войны оба претендента успели разонравиться польским магнатам, и было решено сделать Ядвигу королевой и подыскать ей еще одного жениха. В 1385 г. к Ядвиге прибыли литовские послы и предложили ей в мужья князя Ягайло. Послы обещали, что жених и все его родственники, вельможи и народ примут католичество, все польские пленные, захваченные литовцами в предыдущих войнах, будут отпущены без выкупа, Ягайло поможет вернуть Польше все потерянные земли, привезет в Польшу некоторые отцовские и дедовы сокровища, заплатит некую сумму Вильгельму австрийскому за отказ от жены.

Однако Ядвига и слышать не хотела о сыне Ольгерда. По ее зову в Краков приехал герцог Вильгельм. Он тайно проник в замок Вавель, где жила Ядвига. Супруги на радостях устраивают пир. Но когда Ядвига ушла в спальню, на неудачливого мужа напали свирепые придворные паны, и Вильгельму пришлось спешно ретироваться через окно по веревочной лестнице. Полуодетая Ядвига выскочила на двор, но дубовые ворота заперты. Придворные не решились дотронуться до своей королевы, но и не открыли ворота. Тринадцатилетняя жена-девственница схватила тяжелый топор и рубила дубовые ворота. Ударив несколько раз, королева убедилась в напрасности своих усилий, бросила топор и горько заплакала. Тогда один из вельмож упал перед ней на колени и стал умолять пожертвовать своим личным счастьем для блага отечества. Плачущая девочка пошла в церковь, где ксендзы начали петь ей ту же песню, что и придворные. Ради такого случая ксендзы объявили ее брак фиктивным, то есть не имеющим законной силы.

А между тем Ягайло с большой свитой приближался к польской столице. Вельможи вновь стали уговаривать Ядвигу не отказываться от брака с литовским князем и заслужить славу просветительницы его народа. В конце концов, уговоры, а также появление самого Ягайло, который оказался не уродливым варваром, а мужчиной вполне приятной наружности, оказали нужное воздействие на королеву.



Королева Ядвига

14 августа 1385 г. в местечке Крево был подписан акт об унии (объединении Литвы и Польши). С литовской стороны его подписали великий князь литовский Ягайло и его братья Скиригайло, Корибут, Витовт и Лугвен. Они обязались принять католичество и крестить все литовское население, обратить литовскую казну на нужды Польского королевства, помочь Польше вернуть земли, когда-либо и кем-либо у нее захваченные, и, главное, навсегда присоединить к Польскому королевству Великое княжество Литовское. Замечу, что польские паны сами толком не знали, с кем они объединяются. В частности, в старопольском языке литовец назывался *rusin* (русин), то есть, так же, как ляхи в X–XIII веках называли русских.

Весной 1386 г. совершилось бракосочетание Ягайло с Ядвигой, имевшее огромное значение для судеб государств Восточной Европы. Согласно условиям унии, Ягайло отрекся от православия, а имя Ягайло переименовал на имя Владислав. Ему последовали родные братья Ольгердовичи, в который раз сменил веру и двоюродный брат Витовт, приехавший на свадьбу. Так Ядвига вышла замуж за Ягайло, не разведясь с Вильгельмом, что, впрочем, не помешало в 1399 г. папе Иоанну Павлу II объявить королеву Ядвигу блаженной.

Одним из первых деяний нового короля стала инкорпорация, то есть включение литовских, малороссийских и белорусских земель в состав Польского королевства. В связи с этим Ягайло потребовал от удельных князей присяжных грамот на верность «королю, королеве и короне польской», что по нормам феодального права означало переход этих князей вместе с подвластными им землями в подданство к польскому королю.

В 1386 г. вместе с князьями литовских и белорусских земель присяжные грамоты подписали киевский князь Владимир, волынский князь Федор Данилович и новгород-северский князь Дмитрий-Корибут. Примечательно, что новгород-северские князья и бояре, в свою очередь, поручились за своего князя, обещая не поддерживать его в случае, если он вознамерится выйти из-под власти Польского королевства. Федор Данилович и другие волынские князья в 1388 г. поручились за волынского князя Олехна.

Обратить население Великого княжества Литовского в католичество оказалось нелегко. Католиков там к 1385 г. почти не было. Православие в Литве распространялось почти 150 лет, но очень медленно, поскольку, как писал С.М. Соловьев, оно «распространялось само собой без особенного покровительства и пособий со стороны власти». Так, к примеру, в столице Вильно около половины жителей исповедовали православие. В сельских же местностях Литвы население было почти на сто процентов язычниками. Соответственно, население Малой и Белой Руси было на сто процентов православным.

Католические миссионеры рьяно взялись за обращение в свою веру населения Литвы. Чтобы склонить феодалов к переходу в католичество, король 20 февраля 1387 г. дал «привилей» литовским боярам, принявшим католичество, «на права и вольности», которыми пользовалась польская шляхта. Этот «привилей» даровал литовским боярам-католикам право неотъемлемого владения и распоряжения своими наследственными имениями. Крестьяне этих имений освобождались от большинства государственных повинностей, кроме строительства и ремонта замков. Почти одновременно был издан другой «привилей», который разрешал всем литовцам принять католичество, запрещал браки между литовцами-католиками и православными, а православных, состоявших в браке с католиками, под страхом телесного наказания принуждал к принятию католичества. Имения католической церкви освобождались от всех государственных повинностей, а само духовенство – от юрисдикции светского суда.

Тем не менее, большинство православных и язычников в Литве сохранило свою веру. Православным остался даже родной брат Ягайло Скиригайло.

При Ягайло в Литве появились первые «православные мученики», ставшие жертвами католического фанатизма. Видимо, и православные периодически давали отпор. Так, известно, что Андрей Ольгердович, княживший в Пскове, двинулся в Литву и вторично

овладел Полоцком. При этом Андрей заявил, что Ягайло, приняв католичество, не имеет более права владеть православными областями. Андрей объединился с немецкими рыцарями, которые опустошили литовские владения больше, чем на сто верст. Война эта кончилась тем, что другой брат Ягайло, Скиригайло, взял Полоцк, захватил в плен Андрея, а его сына убил.

Следствием унии стала и ликвидация удельных княжеств на русских землях, находившихся в вассальной зависимости от великого князя московского.

В 1387 г. у удельного князя острожского Федора Даниловича по приказу Ягайло изымается Луцкая земля и передается во владение «до королевской воли» (то есть во временное владение) Витовту. Старостой же Луцка, то есть соправителем Витовта, Ягайло назначает поляка – сандомирского каштеляна⁴² Креслава из Курозвенков. В 1390 г. князь Федор Любартович по воле короля потерял последнюю волость своего Волынского княжества – Владимир Волынский с окрестностями. Так волынские земли перешли в непосредственную зависимость от Польского королевства. Весной 1393 г., потерпев поражение в сражении под Докудовом с войском Витовта и Скиригайло, лишился своего удела новгород-северский князь Дмитрий-Корибут Ольгердович. Наместником же в Новгород-Северское княжество король назначает утратившего свой волынский удел князя Федора Любартовича.

Весной 1393 г. Витовт во главе польского королевского войска вторгся в Подолию и занял замки Брацлава, Каменца, Смотрича, Скалы и Чернева. Подольский князь Федор Кориатович бежал в Закарпатье, а Витовт получил Брацлавщину от короля в вассальное владение. Западная Подолия с центром в Каменце стала еще более зависима от Польши, издавна претендовавшей на эти земли. В 1395 г. грамоту короля Ягайло на владение Западной Подолией «на полном княжеском праве» получил краковский воевода Спытко Мельштинский.

Киевский удельный князь Владимир Ольгердович по настоянию Ягайло выдал ему одну за другой три присяжные грамоты (в 1386, 1387 и 1388 годах) с обещанием верности ему и полькой короне. Обратим внимание, как сразу же ляхи положили глаз на Киев! В конце 80-х – начале 90-х годов XIV века возникла очередная усобица между Ягайло и Витовтом, но в 1392 г. они заключили мир. По нему князь Скиригайло Ольгердович потерял литовские владения, а взамен ему дали Киевскую землю. Однако окончательно выбить князя Владимира Ольгердовича из Киева удалось лишь в 1395 г. Взамен Витовт дал ему маленький Копыльский удел. Владимир «бегал в Москву», ища помощи у московского князя, но безуспешно, и дожил свой век в Копыле. Но захоронен он был, однако, в Печерском монастыре.

Скиригайло не просидел в Киеве и года и умер 10 января 1397 г., не оставив потомства. Предположительно он был отравлен. Киевская земля отошла к Витовту. Но он не отдал ее, по обычаю своему, близкому родственнику, а назначил в Киев наместника Ивана, сына Ольгимонта, князя Гольшанского.

Тут мы сделаем маленькое отступление, чтобы показать планы Витовта в отношении северо-западной Руси. В 1398 г. Витовт заключил договор с Тевтонским орденом, пообещав помощь в завоевании Пскова. За это Орден обязался помогать Витовту в завоевании Великого Новгорода. Но поход этот был отложен, поскольку Витовт посчитал, что вмешательство в ордынские дела сулит ему гораздо большие выгоды.

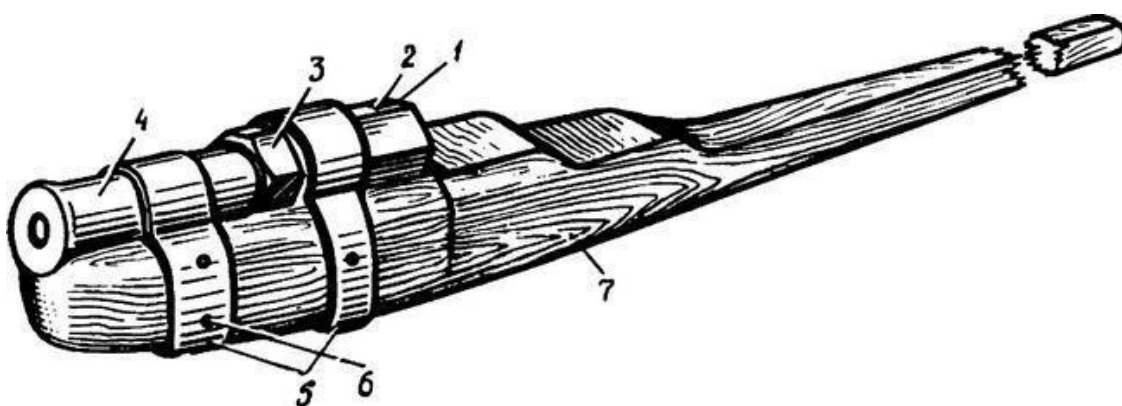
Хан Тохтамыш, изгнав своего конкурента Тамерлана на юг, было утвердился на золотоордынском престоле, но вскоре сам был изгнан ханом Темир-Кутлуем. Тогда Тохтамыш вступил в союз с Витовтом, который обещал ему возвратить престол с тем, чтобы хан потом помог ему овладеть Москвой. В 1399 г. Витовт собрал огромное войско: кроме руси, литвы, жмуди и тохтамышевых татар, были полки волошские, польские и немецкие (находившийся

⁴² Каштелян – второе лицо в воеводстве, он ведал в основном военными делами.

в то время в мире с Витовтом великий магистр Тевтонского ордена прислал ему большой отряд). Летописец одних князей только насчитал в этом войске до пятидесяти человек.

Перед началом похода к Витовту прибыли послы от Темир-Кутлуя с посланием хана: «Выдай мне беглого Тохтамыша, он мой враг, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живет, потому что изменчива жизнь наша. Нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своих, не только что чужих, а хан Тохтамыш чужой мне и враг мой, да еще злой враг. Так выдай мне его, а что ни есть около его, то все тебе». Витовт велел ответить на это: «Хана Тохтамыша не выдам, а с ханом Темир-Кутлуем хочу видеться сам».

Свидание состоялось на берегу реки Ворсклы. Войска Витовта первыми атаковали татар. Замечу, что Витовт в бою широко использовал пушки и пищали. Но огнестрельное оружие было татарам не в новинку и не решило дело. Свежие татарские полки атаковали с флангов войско Витовта и устроили ему небольшие «канны».



Русская пищаль калибра 31 мм (конец XIV – начало XV в.): 1 – канавка; 2 – затравочное отверстие; 3 – усильтельное кольцо; 4 – ствол; 5 – железные обручи; 6 – гвоздь; 7 – ложа

Поражение было страшным, Витовт бежал с несколькими дружинниками, а татары гнались за ним пятьсот верст до самого Киева. Встав под стенами города, Темир-Кутлуй распустил свое войско «воевать Литовскую землю, и ходила татарская рать до самого Луцка, опустошив все на своем пути». Киев откупился тремя тысячами рублей, причем Печерский монастырь дал от себя тридцать рублей, и хан ушел в свои степи, оставив Литовскую землю «в плаче и скудости». После Ворсклы Витовт притих и в 1400 г. заключил мир с Великим Новгородом «по старинке». А в это время смоляне, которых тяготило литовское господство, вошли в сговор со своим князем Юрием Святославичем, жившим у тестя князя Олега Ивановича в Рязани. Юрий пришел к тестю и стал просить: «Пришли ко мне послы из Смоленска от доброхотов моих, говорят, что многие хотят меня видеть на отчине и дедине моей. Сотвори, господин, христову любовь, помоги, посади меня на отчине дедине моей, на великом княжении Смоленском».

И вот в 1401 г. князь Олег Рязанский вместе с Юрием и князьями пронским, муромским и козельским отправились к Смоленску. Подойдя к городу, Олег велел передать его жителям: «Если не отворите города и не примете господина вашего, князя Юрия, то буду стоять здесь долго и предам вас мечу и огню. Выбирайте между животом и смертью». Смоленск сдался без боя. Тем не менее, Юрий Святославич начал свое правление с того, что убил наместника Витовта брянского князя Романа Михайловича вместе с его боярами, а потом перебил и всех смоленских бояр, преданных Витовту. Олег же с войском пошел дальше, изрядно пограбил Литву и с большой добычей вернулся в Рязань.

В 1404 г. Витовту удалось окончательно присоединить Смоленские земли к Великому княжеству Литовскому (об этом подробно рассказано в главе 9).

Ободренный захватом Смоленска Витовт в следующем 1405 г. двинулся на Новгород, но это была лишь военная хитрость. Вместо Новгорода он обрушился на Псковскую землю. Псковичи были застигнуты врасплох и не успели собрать рать. Как писал С.М. Соловьев: «Витовт взял город Коложе и вывел 11 000 пленных, мужчин, женщин и детей, не считая уже убитых. Потом стоял два дня под другим городом, Вороначем⁴³, где литовцы накидали две лодки мертвых детей: такой гадости, говорит летописец, не бывало с тех пор, как Псков стоял»⁴⁴.

Псковичи послали в Новгород за помощью, и новгородцы прислали полки с тремя воеводами. Но к этому времени Витовт уже покинул русскую землю. Псковичи решили отомстить ему походом на Литву и звали с собой новгородцев: «Пойдемте, господа, с нами на Литву, мстить за кровь христианскую». Новгородские воеводы не захотели связываться с литовским князем и отвечали псковичам: «Нас владыка не благословил идти на Литву, и Новгород нам не указал, а идем с вами на немцев». Тогда псковичи отправили новгородцев домой и выступили в поход одни. Они заняли и разграбили Ржев, в Великих Луках взяли Коложский стяг, бывший у литовцев в плену, и с богатой добычей возвратились в Псков. В 1406 г. псковское войско вошло в пределы Литвы и осадило Полоцк. Взять город с ходу не удалось, и русские, простояв три дня и, естественно, ограбив окрестности, удалились.

Судя по всему, у Витовта с Василием I по поводу Смоленска был какой-то уговор, но захват тестем Пскова и Новгорода зятя явно не устраивал. Василий сложил с себя крестное целование Витовту и послал полки на Литву. Московский князь заставил «кнutom и пряником»⁴⁵ тверского князя Ивана Михайловича (ок. 1357–1425 гг.) отправить и свою рать на соединение с москвичами. Правда, сам князь Иван не поехал, а послал своих братьев Василия и Федора, своего сына Ивана и Ивана Еремеевича Дорогобужского. Но тверичей Василию показалось мало, и он позвал с собой еще татарское войско.

Как уже говорилось, попытки окатоличить Литву пришлось не по нраву многим князьям – вассалам Витовта. Но первое время им пришлось помалкивать, так как помощи ждать было неоткуда, кроме как от иноверного Тевтонского ордена. Сильный единоверный московский князь постоянно находился в союзе с Витовтом. Но когда дружба эта сменилась враждой, недовольные литовские князья увидели убежище в Москве. Первым из Литвы на службу к великому московскому князю приехал князь Александр Нелюб, сын князя Ивана Ольгимантовича. Василий принял Александра «с любовью и дал ему в кормление Переяславль». Узнав об этом, в Москву отправилось еще несколько литовских князей.

Осенью 1406 г. русская и литовская рати встретились на реке Плавe близ Крапивны⁴⁶. У Витовта тоже было большое войско, усиленное поляками и жмудью. Войско Василия I было явно сильнее, но московский князь был трусоват и вместо битвы решил вступить в переговоры с тестем. Не исключается и сильное влияние на мужа великой княгини Софьи Витовтовны, которая, как показали дальнейшие события, была энергичной и властной, хотя и не особенно умной.

Так или иначе, но 1 октября 1406 г. стороны согласились на перемирие до 16 мая 1407 г. Перемирие ничего не давало Василию, а главное, очень обидело его союзников. Больше всех

⁴³ Воронач (Вороноч, Воронич) расположен на левом южном берегу р. Сороти в 4 км выше ее впадения в реку Великую. Маленькая крепость с земляным валом и деревянным тыном находилась в 2-х км от будущего имения А. С. Пушкина Михайловское. Впервые в русско-литовских войнах крепость Воронач упоминается в 1348 г., когда она была осаждена литовским князем Андреем Ольгердовичем.

⁴⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Книга II. С. 376–377.

⁴⁵ Обещал помощь в улаживании споров с вассалами Твери.

⁴⁶ На территории современной Тульской области.

обиделись тверичи, поскольку в грамоте о перемирии ни тверской князь, ни тверское войско даже не упоминались. Татары пришли не из-за красивых глаз Василия Дмитриевича, а «за зипунами». Обманутые татары удалились, но по пути в порядке компенсации изрядно пограбили московские земли.

В следующем 1407 г. боевые действия первым начал Витовт, заняв город Одоев. В ответ Василий I с большим войском двинулся на Литовскую землю, взял и сжег город Дмитровец, но, встретившись с тестем у Вязьмы, опять заключил перемирие, и оба князя разъехались по домам.

В июле 1408 г. родной брат короля Ягайло северский князь Свидригайло Ольгердович отъехал из Литвы в Москву. Свидригайло был постоянным и очень опасным соперником Витовта, поскольку пользовался любовью православного населения Южной Руси. Вместе с северским князем уехали черниговский архиепископ, шесть князей Юго-западной Руси и многие северские и черниговские бояре. Василий I несказанно обрадовался приезду Свидригайло и дал ему в кормление город Владимир со всеми волостями, пошлинами и селами, а еще Переяславль (отобранный у князя Нелюба), Юрьев Польский, Волок Ламский, Ржев и половину Коломны.

В сентябре того же года московские и татарские полки уже стояли на литовской границе на берегу реки Угры, а на противоположном берегу стоял Витовт с поляками, немцами и жмудью. Но опять князья, простояв так несколько дней, заключили перемирие и разошлись.



Василий I

После мира на Угре Витовт до конца княжения Василия I (1425 год) не воевал Московские земли. Это в известной степени было связано с попыткой Витовта отделиться от Польши. В 1398 г. королева Ядвига прислала Витовту письмо, в котором говорилось, что Ягайло отдал ей княжества Литовское и Русские в вено, поэтому она теперь имеет право на ежегодную дань с этих княжеств. Витовт собрал сейм в Вильно и спросил литовских и русских бояр: «Считают ли они себя подданными короны Польской в такой степени, что обя-

заны платить дань королеве?» Ответ был единогласным: «Мы не подданные Польши ни под каким видом. Мы всегда были вольны, наши предки никогда полякам дани не платили, не будем и мы платить, останемся при нашей прежней вольности». После этого поляки больше не говорили о дани, но Витовт и бояре не могли забыть об этом и стали думать, как бы им освободиться от номинального подчинения Польше. Однажды во время обеда, данного в честь заключения мира с Тевтонским орденом, бояре провозгласили тост за *короля литовского и русского* и попросили Витовта впредь его так величать. Витовт на этот раз заскромничал и сказал, что пока не смеет считать себя достойным такого высокого титула.

Тем не менее, Литве пришлось вновь сплотиться с Польшей перед лицом страшного общего врага – Тевтонского ордена. Наконец, в сражении у Грюнвальда в 1410 г. объединенному польско-литовскому войску под предводительством Ягайло и Витовта удалось наголову разгромить войско Ордена. В сражении участвовали и русские полки: смоленский, полоцкий, витебский, киевский, пинский и другие. Замечу, что использование пушек в полевом сражении не помогло магистру фон Юнгингену, как и не помогло 11 лет назад Витовту в битве на реке Ворскле.

В феврале 1425 г. умер великий князь московский Василий I. В этом случае по завещанию Дмитрия Донского великокняжеский стол должен занять средний сын Донского Юрий Галицкий (ок. 1374–1434 гг.)⁴⁷. Но у московских бояр, вдовы Василия Софьи Витовтовны и митрополита Фотия иное мнение – они сажают на престол девятилетнего мальчика Василия II (1415–1462 гг.). Дружина галицкого князя была существенно меньше московской. Тем не менее, московские бояре обратились за помощью в Орду. Как уже говорилось, к этому времени Золотая Орда, распираемая внутренними противоречиями, сильно ослабла. Казалось, что времена, когда московские князья ходили за ярлыком к золотоордынскому хану, давно миновали. Василий I наследовал Дмитрию Донскому по завещанию последнего, не спрашивая хана. Но тут московские бояре поехали на поклон к хану Улу-Мухаммеду. Московские бояре подкупили ряд татарских вельмож, а боярин Иван Дмитриевич Всевожский заявил Улу-Мухаммеду: «Государь, вольный царь. Позволь молвить слово мне, холопу великого князя. Мой государь великий князь Василий ищет стола своего великого княжения, а твоего улуса, по твоему царскому жалованию, и по твоим девтерям (записям) и ярлыкам». Таким образом, хану дали понять, что Василий II будет его послушным слугой. Да и без этого хан мог легко сообразить, что девятилетний ребенок на московском престоле куда менее опасен, чем его пятидесятилетний дядя, храбрый воевода, правивший 36 лет полунезависимым княжеством. Естественно, хан выдал ярлык Василию II.

Тем не менее, и татарской помощи московским боярам показалось мало, и они обратились к Витовту. Литовский князь, как уже говорилось, до смерти Василия I был его примерным соседом, но, узнав о смерти зятя, начал озорничать в Псковских землях.

1 августа 1426 г. Витовт осадил крепость Опочку. В его войске, кроме литовцев, были наемники (немцы, чехи и волохи), а также татары из дружины свергнутого уже к тому времени золотоордынского хана Улу-Мухаммеда. Два дня литовское войско безрезультатно простояло под стенами города, и тогда Витовт решил найти другое место в псковской обороне, которое можно было бы прорвать. 5 августа литовское войско подошло к Вороначу. Защитники крепости мужественно оборонялись три недели, несмотря на то, что литовцы использовали большие пушки. Под крепостью Котелно четыреста псковичей разбили семитысячный отряд литовцев и татар. Видимо, эти цифры не точны, но факт победы псковичей не вызывает сомнения. У крепостицы Велье жители города Острова уничтожили татарский отряд из сорока человек. Мужественно сражались и жители города Врева. Так что легкой прогулки

⁴⁷ г. Галич в Костромской области (не путать с Галичем – столицей Галицко-Волынского княжества, в советское время в Ивано-Франковской области на Украине).

у Витовта не вышло. Не поддержал литовского князя и Орден, державший во время этой войны нейтралитет. Дело кончилось уступкой Псковом по московской летописи трех тысяч рублей, а по тверской летописи – тысячи рублей за захваченных в плен псковичей.

Но вот 14 августа 1427 г. Витовт писал магистру Ливонского ордена: «...как мы уже вам писали, наша дочь, великая княгиня московская, сама недавно была у нас и вместе со своим сыном, с землями и людьми отдалась под нашу защиту». Итак, наступил звездный час великого литовского князя – ему покорилась Москва! Ради своих привилегий местные бояре готовы были отдать могучее государство и хану, и Витовту, лишь бы не оказаться под властью Юрия Дмитриевича. Правда, если говорить серьезно, славный витязь Юрий (Георгий) был достойным противником. Забегая вперед, скажу, что именно он, став московским князем, начал впервые чеканить монеты с изображением Георгия Победоносца, и многие русские люди олицетворяли князя с его святым покровителем.

Русские летописи подтверждают факт обращения Софьи Витовтовны и московских бояр к Витовту. С 25 декабря 1426 г. по 15 февраля 1427 г. у литовского князя находился с дипломатической миссией московский митрополит Фотий. Тем не менее, эту постыдную историю постарались забыть как монархические, так и советские историки.

Вслед за малолетним Василием II на поклон к Витовту кинулись удельные князья – вассалы и союзники Москвы. Вот, к примеру, договор рязанского князя Ивана Федоровича с великим князем литовским: «Я, князь великий Иван Федорович рязанский, добил челом господину государю своему, великому князю Витовту, отдался ему на службу: служить мне ему верно, без хитрости и быть с ним всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня от всякого. Если будет от кого притеснение внуку его, великому князю Василию Васильевичу, и если велит мне великий князь Витовт, то по его приказанию я буду пособлять великому князю Василию на всякого и буду жить с ним по старине. Но если начнется ссора между великим князем Витовтом и внуком его великим князем Василием или родственниками последнего, то мне помогать на них великому князю Витовту без всякой хитрости».

В том же 1427 г. великий тверской князь Борис Александрович стал вассалом Литвы. В договоре говорилось: «Господину, государю моему, великому князю Витовту, са язъ... добиль есми челом, дался если ему на службу... А господину моему, деду, великому князю Витовту, меня, князя великого Бориса Александровича тверского, боронити ото всякого, думаю и помощью. А в земли и в воды, и во все мое великое княжение Тверское моему господину, деду, великому князю Витовту не вступаться».

Итак, Борис Тверской признал Витовта своим господином, что же касается «деда», то дед Бориса Иван Михайлович был первым браком женат на сестре Витовта, то есть Витовт приходился Борису двоюродным дедом.

В силу этого договора в июле 1428 г. Борис Александрович послал свои полки на помощь литовскому сюзерену в походе на Новгород.

Витовту удалось взять Себеж, но крепость Порхов оказала ожесточенное сопротивление литовцам. Они стреляли по крепости из пищалей, тюфяков (род гаубиц) и пушек. Ответным огнем осажденным удалось взорвать огромную литовскую пушку «Галка» и убить немца Николая, заведовавшего осадной артиллерией. В итоге Порхов взять не удалось. Витовт взял выкуп за пленных пять тысяч рублей с Новгорода и столько же с Порхова и на том отправился восвояси. По словам летописца, Витовт сказал новгородцам, принимая у них деньги: «Вот вам за то, что называли меня изменником и бражником».

Угроза похода Витовта на Галич произвела должное действие на Юрия Дмитриевича, и 11 марта 1428 г. между Москвой и Галичем был заключен мир, по которому 54-летний дядя признавал себя «младшим братом» 13-летнего племянника. Тем не менее, договоренность о том, что князья должны жить в своих уделах по завещанию Дмитрия Донского, оставляла

за князем Юрием возможность поставить перед ордынским ханом вопрос о судьбе великого княжения.

Старый Витовт был в зените славы. Единственное, чего ему не хватало, так это королевского титула! Ну чем он хуже своего брата Ягайло? И Витовт обратился к германскому императору Сигизмунду. Император вел трудную войну с гуситами и турками, требовал помощи от слабого Ягайло, но тот говорил, что ничего не может сделать без совета с Витовтом. Вот почему Сигизмунду так хотелось сблизиться с литовским князем. «Вижу, – говорил он, – что король Владислав⁴⁸ человек простоватый и во всем подчиняется влиянию Витовта, так мне нужно привязать к себе прежде всего литовского князя, чтоб посредством его овладеть и Ягайлом».

Витовт и Сигизмунд долго переписывались и, наконец, договорились встретиться в Луцке, куда должен был приехать и Ягайло. В 1429 г. состоялся знаменитый съезд трех королеванных лиц вместе с множеством вельмож польских, литовских и русских. После празднеств начались совещания. На одном из них Сигизмунд сказал: «Я понуждаю папу, чтоб он созвал собор для примирения с гуситами и для преобразования церкви. Отправляюсь туда сам, если он согласится. Если же не согласится, созову собор собственной моею властью. Не должно пренебрегать также и соединением с греками, потому что они исповедуют одну с нами веру, отличаясь от нас только бородами да тем, что священники у них женатые. Но этого, однако, не должно ставить им в порок, потому что греческие священники довольствуются одною женою, а латинские держат их по десяти и больше».

Эти слова императора вскоре были на устах у всех русских, которые восхваляли Сигизмунда к большой досаде католиков и поляков. Но еще больше они расстроились, когда узнали, что Сигизмунд решил признать Витовта независимым королем Литвы и Руси. Император без проблем уговорил Ягайло дать на это свое согласие, но прелаты и польские вельможи категорически возражали. Ведь у них буквально из рук уплывала богатая добыча. Краковский епископ Збигнев Олесницкий, умный и предприимчивый, при всех обратился к Витовту с резкими словами. Он припомнил, что при избрании Ягайло польские паны руководствовались только духовным благом литовцев, поскольку владения их не представляли никакой ценности, так как были разорены соседями. Палатин краковский Ян Тарновский и другие поляки выразили свое согласие со словами епископа. Витовт, всегда сдержанный, на этот раз громко выражал свое неудовольствие: «Пусть так! А я все-таки найду средства сделать по-моему!» Тогда поляки упрекнули Ягайло: «Разве ты нас за тем сюда позвал, чтобы быть свидетелями отделения от Польши таких знатных владений?» Ягайло благодарил панов за верность и клялся, что никогда не даст согласия Сигизмунду и Витовту на отделение Литвы, что рад хоть сейчас бежать из Луцка, куда они сами назначат. И польские прелаты и вельможи быстро собрались и уехали днем, а Ягайло побежал за ними в ночь. Витовта сильно расстроило это поспешное бегство поляков и их короля.

Польские прелаты, руководствуясь личными корыстными интересами, послали в Рим донос, где представили папе всю опасность, которая грозит католицизму при отделении Руси и Литвы от Польши, потому что издревле господствовавшие там православные подавят только что водворившееся в Литве католичество. Перепуганный папа немедленно отправил германскому императору запрет посылать корону в Литву, а Витовту – запрет принимать ее.

Одновременно Витовт велел присягнуть себе, как независимому государю, князьям и боярам Великого Литовского княжества. Император Сигизмунд возвел Витовта в королевское достоинство, на что, замечу, он имел право, и послал ему корону.

Коронация Витовта должна была состояться в 1430 г. в Вильно. Днем коронации назначили праздник Успения богородицы. Но так как посланцы Сигизмунда не подвезли еще

⁴⁸ Владислав – католическое имя Ягайло.

корону, коронацию перенесли на другой праздник – Рождество богородицы. В столице были собраны все вассалы великого князя литовского, среди которых был 15-летний внук Витовта Василий II, тверской князь Борис Александрович и другие. Понятно, что Юрий Дмитриевич Галицкий в эту компанию не входил.

Поляки знали о готовящейся коронации и расставили сторожевые посты по всей границе, чтобы не пропустить сигизмундовых послов в Литву. На границе Саксонии и Пруссии схватили двух послов, Чигала и Рота, которые ехали к Витовту с известием, что корона уже отправлена, и с грамотами, по которым он получал право на королевский титул. За этими послами ехали другие, многочисленные знатные вельможи, везшие корону. На их перехват бросились трое польских вельмож с большим отрядом. Послы, узнав об этом, быстренько развернулись назад, к Сигизмунду.

Посланцы Сигизмунда убеждали Витовта венчаться короной, изготовленной в Вильно, поскольку это не мешает императору признать коронацию законной. Но Витовт колебался. 27 октября 1430 г. Витовт умер. Скорей всего, причиной этому была старость, князю было уже 80 лет, хотя, не исключено и отравление.

После смерти бездетного Витовта встал вопрос о его приемнике на великокняжеском престоле русско-литовского государства и о дальнейшей судьбе унии с Польшей. Формально прежний великий князь, а теперь польский король Владислав II (Ягайло) мог претендовать на литовский престол. Но он не пошел на это в силу своего преклонного возраста, нерешительного характера, а также противодействия русских и литовских князей, дороживших самостоятельностью своего государства.

Кроме польского короля оставались в живых еще два внука Гедмина – Свидригайло Ольгердович и Сигизмунд Кейстутович. Кроме того, имелась еще большая компания правнуков Гедмина – внуков Ольгерда: удельные князья Корибутовичи, Лугвеневики, Владимировичи и др. Но о последних и говорить не стоило, поскольку они по степени родства и по политическому значению не могли сравниться со Свидригайло и Сигизмундом. Кроме того, они все были православными.



Великий князь литовский Свидригайло

Формально и Свидригайло, и Сигизмунд были на 1430 г. католиками, но Свидригайло был женат на православной княжне, и фактически был скорее православным, нежели католиком. Сигизмунд же гораздо больше был склонен к католицизму. Кстати, это и следует из имен, под которыми они вошли в историю. Свидригайло – это языческое литовское имя, позже он принял православие и стал Львом, затем перешел в католичество и стал Болеславом. Но польские историки, дабы подчеркнуть его нелояльность к католицизму, везде именовали его языческим литовским именем. А вот с Сигизмундом все было сделано наоборот. Его литовское языческое имя Шигитас было польскими историками навеки забыто, и он вошел в историю как Сигизмунд.

Ягайло отдал предпочтение своему родному брату Свидригайло и торжественно венчал его великокняжеской короной в кафедральном виленском соборе в присутствии съехавшихся со всей страны литовских и русских князей и бояр.

Для начала новый князь занял литовские крепости, кроме Вильно, и привел к присяге их гарнизоны на свое имя, не упоминая Ягайло, тем обнаружив свое намерение отложиться от Польши.

Отношения с Ягайло у Свидригайло еще более испортились после того, как поляки, узнав о смерти Витовта, захватили Подолию. В 1431 г. Ягайло приехал в Литву на охоту, что было поводом, главной же его целью было примирение с братом.

Великий князь литовский Свидригайло поначалу обращался с братом-королем с большим почетом. Когда Свидригайло узнал о вероломном захвате поляками Подолии, он немедленно вызвал короля, охотившегося в пущах под Вильно. Как гласит «Хроника Быховца», Свидригайло с гневом сказал Ягайло: «“Милый брат, для чего ты держишь Подольскую землю, отчину той земли Литовской; верни ее мне, а если не хочешь вернуть ее мне, я тебя из Литвы не выпущу”». После этого князь Свидригайло схватил короля Ягайло и посадил под стражу».

Ягайло был вынужден заключить с братом договор, который возвращал ему Подольские земли. Король из Вильно отправил на Подол своего приближенного Тарла Щекоревича с приказом польским магнатам братьям Бучанским, захватившим каменецкий замок, передать Каменец русскому воеводе князю Михаилу Бабе. Обрадованный Свидригайло наградил Тарла сотней гривен и отпустил короля с богатыми подарками в Польшу.

Однако польские вельможи, возможно, с ведома самого Ягайло, надули простодушного Свидригайло. Они написали Бучанским особое письмо, где советовали не исполнять королевского приказа, а Тарла и Бабу заключить под стражу. Письмо это свернули в трубку и облили воском. Сделанную таким образом свечу попросили одного из спутников Тарла передать Бучанским, чтобы они «поискали в ней света». Бучанский сломал свечу, нашел письмо и выполнил поданный ему совет.

Возмущенный Свидригайло отправился с войском на Подол и попытался отвоевать замки силой. Ему удалось взять Червоноград, но Каменец и Смотрич остались в руках поляков. Со своей стороны, польские паны, собранные королем на сейм в Судомире, постановили требовать от Свидригайло уступить не только Подолию, но и город Луцк (на реке Стирь на Волыни) с южной частью Волыни. Кроме того, он должен был прибыть в Польшу и торжественно принести ленную присягу королю.

Старый Ягайло два раза отправлял послов к брату. Главой посольства был пан Ян Лутек Бржеский. Он так дерзко заговорил с великим князем литовским, что тот отвесил послу увесистую плеху и отправил назад. Второй раз приехал тот же Бржеский и опять начал с польских претензий. Свидригайло вновь развернулся и врезал Бржескому, но на сей раз отправил его не домой, а в темницу.

Теперь Ягайло пришлось идти с войском на родную Литву. Поляки осадили Луцк. Жители города отчаянно сопротивлялись. Вскоре полякам пришлось снять осаду и отвести войска. А население в отместку разрушило все католические храмы (костелы) в Луцкой земле.

Поляки и литовцы договорились устроить съезд в городе Парчеве для заключения мира, но Свидригайло туда не приехал. Тогда поляки решили расколоть литовскую знать и увести от Свидригайло наиболее пропольски настроенных панов. Кстати, уже тогда и литовская, и русская знать в Великом княжестве Литовском именовали себя панями.

Ягайло отправил к брату своего посла Лаврентия Заронбу, который официально должен был склонить Свидригайло к миру, а сам начал подговаривать литовских панов к свержению Свидригайло и к принятию к себе в князья брата Витовта Сигизмунда Кейстутовича, князя стародубского. Зоронба успел как нельзя лучше выполнить свою миссию: был составлен заговор, с помощью которого Сигизмунд Стародубский напал на Свидригайло и выгнал его из Вильно. Однако большинство русских земель в Великом княжестве Литовском осталось на стороне Свидригайло. Великий князь тверской Борис Александрович также поддерживал Свидригайло. В начале 1432 г. Свидригайло женился на княжне Анне, дочери тверского князя Ивана Ивановича, дяди тверского князя Бориса Александровича.

Ягайло отправил к новому великому князю литовскому официального посла Збигнева Олесницкого. Сигизмунд с почестями принял посольство и подчинил и себя, и свое княжение короне Польской. Сигизмунд был готов на все, он прекрасно понимал, что без поляков у него нет шанса удержаться на престоле. Вскоре был открыт заговор против Сигизмунда, возглавляемый знатными вельможами – палатином троцким Янутом и гетманом литовским Румбольдом. Янут и Румбольд вместе с другими заговорщиками были публично казнены. Но это не столько устрасило, сколько озлобило противников Сигизмунда в Вильно.

Осенью 1432 г. Свидригайло собрал 40 тысяч⁴⁹ своих сторонников и двинулся на Сигизмунда. К Свидригайло присоединилась дружина под командованием князя Ярослава Александровича, брата великого князя тверского. Русское (литовское и тверское) войско подошло на 10 верст до Вильно и стало в Ошмянах. 8 декабря 1433 г. состоялась битва между Свидригайло и Сигизмундом. Несмотря на большой численный перевес, русские были разбиты. Тверской боярин Семен Зобин погиб, но князьям Ярославу и Свидригайло удалось бежать. В плен попало много «русских литовцев» – князь Юрий Лаврентьевич, князь Митка Зубревицкий, князь Василий Красный, его брат Дедиголдович пан виленский, пан Юшка Гольцевич, пан Иван Вяжевич и др.

Тем не менее, Свидригайло и не думал сдаваться. Зимой 1432/33 гг. он страшно опустошил окрестности Вильно. Летом 1433 г. Свидригайло стал снова собирать войска. На этот раз он получил помощь от Немецкого Ордена, и тверской князь Борис Александрович послал ему свое войско. Целью этого похода Свидригайло определил центральные районы Литвы в округе Вильно. Войска Свидригайло сначала стояли под Вильно, а в августе – под Тракаем, но Сигизмунд не вступал с ними в бой.

После взятия сильно укрепленного замка Крево Свидригайло услышал, что к нему идут войска Сигизмунда. Он послал против них воеводу киевского Михаила с русским князем. Сигизмундово воинство под началом пана Петра Монгирдовича было наголову разбито. Затем Свидригайло взял и сжег Заславль, Минск и Витебск. У Лукомля Свидригайло отпустил союзников, а сам пошел в Киев. Замечу, что магистр Ордена действовал в Литве независимо от Свидригайло.

Возникает вопрос: почему великий князь тверской Борис Александрович столь активно вмешивался в литовские дела, но при этом хранил нейтралитет в большой гражданской войне между Василием II и его родственниками? Дело в том, что кто бы не победил в этой войне – Василий II, Юрий Дмитриевич или Дмитрий Шемяка, все равно новый или старый московский князь возьмется за Тверь. А вот успех Свидригайло в попытке создания большого православного русско-литовского государства в союзе с Тверью кардинально изменил бы ситуацию на Руси. В этом случае союз Твери и Вильно мог положить конец экспансии Москвы.

В 1434 г. умер польский король Владислав II. Со смертью Ягайло закончилась целая эпоха знаменитых литовских князей. Началась новая глава в русско-литовских отношениях.

⁴⁹ Эта цифра приведена в хронике Быховца, что, видимо, преувеличение.

Глава 7

Литовские князья – защитники русских городов

Лучшим доказательством того, что присоединение многих западных и южных русских княжеств к Великому княжеству Литовскому происходило мирно, служит факт призвания литовских князей рядом русских городов, никогда не входивших в состав Великого княжества Литовского. Речь идет в первую очередь о Пскове, Новгороде и... Москве.

Мы уже знаем, что литовскому удельному князю Довмонту⁵⁰ пришлось в 1265 г. бежать из Литвы от гнева князя Воишелка. Вместе с ним прибыли 300 литовских дружинников. В данном случае это были в основном этнические литовцы-язычники, да и сам Довмонт был таковым.

Сразу по прибытии в Псков Довмонт принял крещение в соборной церкви святой Троицы и получил православное имя Тимофей. Псковские мужи выбрали Довмонта-Тимофея князем. Замечу, что статус князя в Пскове был аналогичен статусу князя в Новгороде. Так, князь не мог жить в кремле, и тот же Довмонт построил себе и дружине Довмонтово городище.

В 1266 г. Довмонт с небольшой ратью, всего 360 всадников, совершил поход против литовского князя Герденя, правившего в Полоцке. Сам Гердень отсутствовал, но его княжество подверглось разгрому, Полоцк взят, а княгиня и дети пленены. Кстати, жена Герденя была родной теткой Довмонта. После набега Довмонт двинулся домой. Далее я процитирую сказание о Довмонте: «Перейдя вброд через Двину, отошел на пять верст и поставил шатры в бору чистом, а на реке

Двине оставил двух стражей – Давыда Якуновича, внука Жаврова, с Лувою Литовником. Два же девяносто воинов он отправил с добычей, а с одним девяносто остался, ожидая погони.

В то время Гридень и князья его были в отъезде, когда же приехали они домой, то увидели, что дома из их земли разорены. Ополчились тогда Гридень, и Гойторт, и Люмби, и Югайло, и другие князья, с семью сотнями воинов погнались вслед за Довмонтом, желая схватить его и любой смерти предать, а мужей-псковичей мечами посечь; и, перейдя вброд реку Двину, встали они на берегу. Стражи, увидев войско великое, прискакали и сообщили Довмонту, что рать литовская перешла Двину. Довмонт же сказал Давыду и Луве: «Помогите вам бог и святая Троица за то, что устерегли войско великое, ступайте отсюда». И ответили Давыд и Лува: «Не уйдем отсюда, хотим умереть со славой и кровь свою пролить с мужами-псковичами за святую Троицу и за все церкви святыя. А ты, господин и князь, выступай быстрее с мужами-псковичами против поганных литовцев». Довмонт же сказал псковичам: «Братья мужи-псковичи! Кто стар – тот отец мне, кто млад – тот брат. Слышал я о мужестве вашем во всех странах, сейчас же, братья, нам предстоит жизнь или смерть. Братья мужи-псковичи, постоим за святую Троицу и за святыя церкви, за свое отечество! ...

⁵⁰ По-литовски Домантас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.